

Андрей
Воронов-Оренбургский

СТАЛИНГРАД

том 7

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ
РОДИНА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ЭШАФОТ»

Андрей Воронов-Оренбургский

**Сталинград. Том седьмой.
С чего начинается Родина**

«Автор»

2019

Воронов-Оренбургский А.

Сталинград. Том седьмой. С чего начинается Родина /
А. Воронов-Оренбургский — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-04930-7

"Сталинград. За Волгой земли нет!" - роман-сага о чудовищной, грандиозной по масштабу и человеческим жертвам Сталинградской битве, равной которой не было за всю историю человечества. Автор сумел прочувствовать и описать весь ужас этой беспримерной кровавой бойни и непостижимый героизм советских солдат... Как это возможно? Не укладывается в голове. Но ощущение полное - он сам был в этом аду!.. Он сам был участником СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ... Книга получилась честной и страшной. Это суровый, как сама война, роман, возможно, лучший со времен "ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ" М. Шолохова. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-04930-7

© Воронов-Оренбургский А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Воронов-Оренбургский

Сталинград. Том седьмой.

С чего начинается Родина

Глава 1

Как огненная джигитовка на лихом коне, как стремительный полёт орла над ущельем... Простучала, пронеслась крылатой тенью жизнь. На дворе, укутанный в голубые снега, стоял 1998 год.

Танкаев медленно брёл по любимой Москве, стоящей на семи холмах, такой разной, в которой, как винегрет смешались времена и архитектурные стили... Этот огромный город-колосс был и останется, как желание воплотить утопию. Москва уникальный город-герой, город-музей, город-Утопия. Москве без малого 900 лет и 500 лет она была столицей Третьего Рима, Великой Российской империи, Красной империи – СССР, и вот теперь...

Он шёл по Каланчовке, мимо высотки-гостиницы «Ленинградская», место в Москве одно из старейших, любимых, но теперь с чудным и враждебным названием «Хилтон». Увы, кошунственные гримасы нового лихолетья были повсюду, как рассыпанное, пестручее конфетти.

Январская, вечерняя Каланчовка ещё хранила следы варварской драки красок Новогодней Москвы. Везде на лавках, под ногами валялся брошенный, затоптанный, никому теперь не нужный ёлочный лапник и прочий праздничный хлам; тут и там искрился застрявший в ветвях деревьев и проводах цветной серпантин, целлулоидный иней, зеркальные гирлянды, битый хрусталь, сгоревшие хлопушки-петарды; в сугробах торчали пустые бутылки из-под шампанского, водки, амаретто, вискаря, хрустящие упаковки баночного пива. Пёстрый сор гонимый белой позёмкой: фантики, блестящая рвань целлофановых пакетов из-под сухариков, орешков, фисташек, сдутые воздушные шарiki «Happy new year», так похожие на использованные презервативы-предохранители от сифилиса, триппера и прочей заразы... Да, и собственно, они самые, как яркий штрих вседозволенности, торжества победы либеральной пошлости, демократии и секс-шопа.

...Он продолжал медленно брести по Каланчовке, которая прогоняла сквозь себя непрерывный шуршащий неоновый свет. Облизывала ему ноги, как ночной, светящийся планктоном, морской прибой. Старые хорошо знакомые величавые дома вокруг, казались непроницаемыми, без ворот, арок, подворий. Стояли, как стальные сейфы и каменные склепы, не пускали Танкаева в соседние улицы, знакомые переулки, выдавливали, вытесняли, будто хотели сбросить его на обочину, в шипящую плазму, под шипованные колёса летящих куда-то узкоглазых злобных машин. Любимый город, был чужой, не его, населён чужаками, с другими, враждебными лицами.

Магомед Танкаевич, недолго прожив вне Москвы, будучи в больнице, после операции на реабилитации в Дагестане, потом в вынужденной командировке, – вернулся в неё будто из астрального мира, потеряв во время своего странствия целую эпоху, и теперь не находил своих современников. Натыкался повсюду на потусторонние лица, знаки и вехи иной культуры, иного уклада и строя. И казалось, не было для него пристанища, безопасной бухты, не было и дома. Семьи, где бы его любили и ждали. Души, готовой откликнуться на его одинокий зов, на его печали и горечи.

Он пробирался сквозь каменные теснины, с трудом одолевая перевалы, погружаясь в распадки, скрываясь в пологие низины. Движение по Москве напоминало блуждание в безлюдных горах Кавказа, где он стоптал не одни подошвы, расстрелял не один патронташ, и теперь,

потеряв тропу, без товарищей, без боекомплекта брёл наугад на туманные миражи и видения. Этими видениями были воспоминания о далёкой солнечной поре детства, о матери и отце. Разные люди по-разному вспоминают своих родных. Ему же приходил на память один и тот же сюжет.

Утро. Воздух прохладный, прозрачный, зелёный, как яблоко. Матушка Зайнаб с кувшином полным воды, возвращается с родника. Несёт воду как что-то самое драгоценное. Поднялась по каменным ступеням, опустила старого чекана медный кувшин на землю, принялась разжигать огонь в очаге. Разжигает его тоже, как нечто самое драгоценное. Глядит на него не то с опаской, не то с восхищением. Пока огонь разгорается, мать качает люльку. Качает она её как что-то самое драгоценное. Днём она вновь берёт пустой кувшин и снова идёт к роднику. Потом разжигает огонь, затем качает люльку. Вечером, когда воздух снова прозрачный и прохладный, сиреневый как аметист, Зайнаб опять приносит воду в кувшине, качает люльку, разводит огонь.

Так делала она каждый день весной, летом, осенью и зимой. Делала неторопливо, важно, как что-то самое нужное, драгоценное. Идёт за водой, качает люльку, разжигает огонь. Разжигает огонь, идёт за водой, качает люльку. И так без конца. Такой он вспоминал свою маму. Идя за водой, она всегда повторяла: «Посмотри за огнём». Хлопоча с огнём, наказывала: «Не опрокинь, не пролей воду!» А ещё, будучи очень набожной, говорила за каждым словом, при каждом движении: «Бисмилах»... Напоминала детям: «Отец Дагестана – огонь, а мать – вода».

Отец Танка хмуро кивал головой и говорил сыновьям: «Огонь и в словах горских пословиц живёт, и в слезе горянки. Есть он и на конце винтовочного ствола и на лезвии кинжала, выхватываемого из ножен. Но самый добрый и самый тёплый огонь в любящем сердце матери и в очаге родной сакли.

Когда горец хочет сказать о себе хорошее или попросту похвалиться, он говорит: «Ни к кому ещё не приходилось мне ходить за огнём».

Когда горец хочет сказать о каком-нибудь дурном человеке, он скажет: «Дым из его печной трубы, тоньше крысиного хвоста».

Желая сказать о храбрце, говорят: «Это не человек, а огонь!» Не с этих ли детских наблюдений, с любви и заботы родных, с их мудрых и тёплых слов начинается Родина?

Вспоминал он и о школе, о далёкой и трудной дороге из Урады в Гуниб, где находилась школа колхозной молодёжи. О торжественной клятве октябрят-пионеров: уважать старших, не обижать младших; быть дружными, жить, учиться и работать, как завещал великий Ленин.

Служить любимой Родине. Как учит коммунистическая партия! Да... был такой торжественный ритуал в Советской стране. Ведь алая звёздочка октябрят и пионерский галстук – это кусочек Красного Пролетарского знамени, под коим наши деды и отцы, ценой своих жизней совершили Социалистическую революцию!

Вспомнил и комсомольскую клятву, и Воинскую присягу СССР, которую перед лицом боевых товарищей давал своей Родине.

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооружённых Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь, быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным Воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников. Я клянусь: добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное, народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству!

Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооружённых Сил, я клянусь защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами!

Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся!»

Да так это было... Ещё вчера эти парни сидели за школьными партами, стояли у станков, водили трактора и комбайны... Но вот ты подписался под словами Присяги и открыта новая страница жизни. С этой минуты ты стал защитником Отечества.

– Встать в стр-рой!

– Служу Советскому Союзу!

«Всё так... – мучительно рассуждал генерал-полковник Танкаев. – Но как же? Почему?! Что с нами стало?! Это же величайшая геополитическая катастрофа!.. Чудовищное предательство идеалов! Могил наших отцов! Вай-ме! И так стремительно... и так фатально... как селевая лавина. Но как такое возможно?? Мы же все из СССР! Мы народ победитель... Народ герой!... Первыми запустили спутник Земли! Первыми отправили человека в космос! Непостижимо...»

Этими видениями-мыслями были воспоминания о школьных товарищах из близких и далёких аулов, с которыми, когда-то дружил, преломлял последнюю лепёшку, – которых ныне и след простыл. ...Исчезли их детские лица, звонкие-бойкие голоса, смех, похождения-шалости и опасные «геройства» в дагестанских снегопадах и ливнях, на шатких, дедовских, времён имама Шамиля, подвесных мостах или на спине необъезженного коня. Как тени, исчезли девушки с забытыми именами, коих скрытым взглядом, провожал до сумеречных хозяйских ворот, ликуя от быстрого, как молния, взгляда длинно косою красавицы, если тот удалось перехватить... Исчезли мама и бабушка, высокое позолоченное солнцем окно, к которому приближался на по-волчьи лёгких молодых ногах, зная, что взбежит сейчас по ступенькам, звякнет в старинный серебряный колоколец, и за дверью откликнется, заторопятся знакомые шаги.

Его мысли растерянно и слепо кружились, натываясь повсюду на преграды. На ядовитые броские рекламы заморских табаков и напитков. На розовые-голубые вывески ночных ресторанов и клубов. На чуждые слуху названия новоявленных банков и фирм. Москва для него, словно минное поле, была закодирована, зашлифована, исписана заклинаниями и заговорами. И эти заклинания отрицали его, не пускали, требовали избирательного «фэйс-контроля», «дрэс-кода», выталкивали прочь из города и издевательски смеялись в спину. Так что же случилось с нами? С нашей страной! Откуда взялась вся эта сволочь?! Вся эта блядская пена – «золотая молодёжь» и их родители?.. Которых и расстрелять-то за чудовищное воровство, расхищение народного достояния мало!

Что ж, он знал и в советское время таких скользких, блатных выползней, министерских выпестов, сынков торговых воротил... Эти ловкачи уклонялись от службы, плевали в душу на Родину, прикрываясь властью-вливанием своих кремлёвских родителей. И готовы были при удобном случае продать Отечество за 30-ть серебряников, для которого у них было вылуплено из предательского яйца презренное погоняло – «совок». Но тех сволочей и мерзот хоть сдерживала правящая в стране идеология, за красные флажки которой они не совались... Боялись оказаться на нарах в тюрьме, полной конфискации наворованного, боялись, как огня смертной казни, страшились лишиться тёплого, сытого места у корыта и госпривелегий. Но для этих, ворвавшихся во власть упырей-вурдалаков ни берегов, ни рубежей, ни красных флажков не существовало. Позаботились они и об отмене смертной казни, и конфискации награбленных безумных накоплений. Что тут скажешь?... Похоже, этих рогатых-хвостатых бесов оберегало само Око Тьмы.

Ему вспомнилась беседа одного православного священника отца Аристарха со своей паствой.

– Как же так, отче! Почему, ну почему с православием связывают только кротость и смирение! – рослый, мужественного вида, с военной выправкой прихожанин привлёк внимание Танкаева. Недовольный ответом батюшки отставник, загорался, противоречил священнику в чёрной рясе. – Но мы же знаем и Церковь Воинствующую, небесную рать с ангелами и арханге-

лами, с грозными небесными силами, подобно пучку лучезарного света! Так-нет? – и не дожидаясь слов отче, точно саблей рубил свою правду-матку. – Этот свет одолевает кромешную тьму, повергает твердыню ада! Именно Церковь Воинствующая вкладывала в длань Дмитрия Донского карающий меч! Именно она говорила устами Гермогена, патриарха Тихона! Так-нет? Не понял! Где же сейчас это слово? Где рокот вещей слов, подымающих Русь на битву?

Народ напряжённо ждал в тишине ответа. Ждал и Танкаев. Подобные вопросы роились и в его голове.

Глаза священника сияли знанием, добытым из чистых колодцев, и хотелось в них заглянуть, в их гулкий глубинный сумрак, и в тёмной воде узреть спасительную звезду. И он отвечал:

– Господь говорит с каждым из нас в отдельности. Вдыхает в каждое ухо своё особое слово. Одни из нас слышат глаз Божий в проповедях митрополита Иоанна. Другие в тихих словах приходского батюшки. Для третьих Создатель открывается в знамениях. Эти знамения вещают о близких скорбях земли русской, о продолжении народных страданий.

– Мы, политики, изнемогаем от усталости! – рослый отставник, обречённо махнул рукой. Его не устраивали ответы священника, и он бурно возражал, рискуя быть нелюбезным. – Хотим достучаться до народа, разбудить его, оглушённого, опоённого спиртным и ложным дурманом! Орём до хрипоты на митингах! Бьёмся с либеральным жульём и в газетных статьях... А воз и ныне там! А вы, вы-ы! Церковь, от которой народ ждёт помощи, которая заступница, молчит, как камень! Почему не встаёт за поруганную честь и совесть? Почему не вызывает с амвона?

– Православная церковь может говорить только с воцерковлённым народом на языке сокровенных православных святынь. Не языком листовок и митингов, а языком молитв. Повторяю: без веры в Господа у вас, политиков и военных, ничего не выйдет. Опять проиграете, затянете народ в очередную беду. Без Бога на Руси ничего доброго не случается, а только с Богом!

– Но пока вы, отче, будете ждать воцерковления народа, народ исчезнет! Каждый год мы теряем больше миллиона человек... Это как на фронтах Великой Отечественной!!

– Мы все сдохнем! – загудела толпа.

– Кремлёвские упыри кровь из нас выпьют!!

– Почему церковь не ополчается на сатанинскую власть? Когда погонит её подлую крестом?!

– Почему позволяет кремлёвским бесам – безбожникам стоять в храме со свечой и иконой на великий соблазн людям?

Отец Аристарх поднял руку. Дождался тишины. Густая борода, серебристые усы излучали сияние. Он был властен и в тоже время кроток. Добр и одновременно непреклонен. Молод и библейски стар.

– В храме всегда бесов больше. Они слетаются в Божий храм, чтобы осквернить его и испакостить. Такое уже случалось в нашей истории... Смутные времена. Вот и теперь на Русь пришли бесы. Предстоит ужасная, последняя схватка, и нам всем не уклониться: ни священнику, ни политику, ни военному. – Отец Аристарх посмотрел на Танкаева, задержал на нём взор. – Нам всем придётся претерпеть за Россию, придётся пострадать за наш многонациональный народ! Но не надо отчаиваться. Потерпим братья и сёстры! Соберёмся с силами – отче смотрел уже на другие лица страждущих прихожан. – Ибо кого любит Всевышний, тому Он и даёт пострадать!

* * *

«Ждать» и «терпеть»? – Танкаев скрежетнул зубом, отрицательно покачал головой. – Снова «ждать» и «терпеть»... – Он закурил новую сигарету. – Ну уж нет! Время не ждёт... Да и нет у меня времени, не осталось. Я буду действовать. Делать, что должно и пусть будет, как будет.

Поигрывая жевлаками, глотая дым, он одиноко шёл по неоновой, размалёванной, как продажная шляха, вечерней Москве. Злость и отчаянье душили его горло.

Он теперь стоял у Садового кольца с видом на Китай город и подавленно смотрел, как юная, миниатюрная проститутка, с готовностью засемила на высоченных каблуках-шпильках к подъехавшему авто. Наклоняясь, отклячила свою общёлкнутую кожаной юбочкой задницу, кокетливо задрала вверх согнутую ножку и заглянула в салон чёрного «мерседеса»; оттуда кто-то улыбаясь, по-хозяйски оглядывал её, заставлял повернуться и так и сяк, приглашал взмахом руки.

Рядом медленно прокатил, заслонив «мерседес», высокий толстолобый «джип». Припарковался поблизости. Танкаев почувствовал, как пахнуло из приоткрытой дверцы вкусным табаком и запахом искусственной кожи.

Танкаев отвлёкся от созерцания мерцающего шоссе. На мгновение «мерседес» и «джип» слились в его сознании воедино, и он тут же забыл о них, отвлечённый множеством мелких деталей, окружавших его, раздражавших и причинявших страдание. Право дело, – он не искал, не наслаждался этим страданием. Оно само, точно крадливая тень, преследовала его. Вечерами, после трудового дня, он имел обыкновение совершать пешие прогулки. Ходил по Москве и внутренняя горечь сама находила его. Переживал унижения, на которые был обречён советский народ, казнил себя за бессилие и немощь. В прошлом: бесстрашный командир-фронтвик, прошедший с начала и до конца всю Великую Отечественную войну, освободивший от фашистов захваченные города, позже опытный генерал ВДВ, командующий и член Военного совета Северной группы войск в Польше, а ныне отставник, он тяжело переживал крушение СССР – Великой Красной империи. Мучился, что с 1988 года – он не в строю. Не активный участник событий, а лишь скромный зритель происходящего... Страдал и казнился, что позволил скрытым-тайным врагам овладеть столицей своей Родины, захватить её храмы и дворцы, парки и скверы, оболванить народ и накрепко, как вбитые железные костыли в кирпичную кладку, засесть в Кремле. Эти враги тщательно рядились в человеческий образ, принимали людское обличье, но на деле были смрадными тварями, чудовищами с мрачных полотен Босха, шакалами, волками в овечьих шкурах, оборотнями, шайтанами, и бороться с ними с помощью правды, обычного оружия и силы было, вряд ли возможно. Здесь требовались иные средства, иная сила, которой он, увы, не владел. Но о которой догадывался.

...Миниатюрная, как чайная ложка, проститутка почему-то внезапно отпрянула от «мерседеса», похожего на огромную чёрную злую осу... Соединилась со стайкой таких же бойких подруг, похожих на ярких-жестоких бойцовых рыбок... И они, пританцовывая, окоченевшими ногами, сверкая огненными, затянутыми в лоснящийся нейлон ляжками, потянулись в его сторону. При этом они, шалая, как школьницы, подманивали другие солидные иномарки, кривлялись, крутились, прилипали пиявками к авто, заигрывали с пассажирами.

Поравнявшись с Танкаевым – высоким, статным, в кожаном пальто, стайка подпитых шлюх окутала его плотным облаком духов, «амаретто», вперемешку с дымом ментоловых сигарет «More».

– Вау-у, девки, а дядя-то ещё хоть куда! – Они брызнули развязанным хохотом, растянулись новогодней цветастой гирляндой.

– Неплохо сохранился. Прямо Шон Коннери из «Скалы».

– Точно! Джеймс Бонд, девки, как вишенка на торт...

– Пуля! Чтоб ты понимала, лимита казанская... В молодости – верняк – валил всех подряд, штабелями, ведь так? – яркая брюнетка никак не могла дотянуться до его высокого, далёкого взгляда.

– Гляди-ка, по ходу, армейский. Молчит, как солдатская пряжка, – ядовито хихикнула с бешеным начёсом рыжая бестия в ботфортах, и с циничной откровенностью сплюнула под ноги окурочок. – Видать, хранит военную тайну. Ну, настоящий полковник. Ха-ха-ха!

– Дура, Лерка, бери круче – генерал. Да, ваше превосходительство?
Танкаев будто не слышал.

– Ух какие мы гордые... Ну, прям орёл! Зря вы так, товарищ генерал... Девушку обидеть легко, понять трудно. – Брюнетка с жирно намаженным ртом, похожим на кровавую рану, весело хохотала. – Мужчина должен пытаться, а девушка сопротивляться...

– Пойдём, подруга! – рыжая тряхнула начёсанным вавилоном. На лице её трепетали тонкие брови, брызжущий смех лучили прищуренные бесстыжие глаза. – Что ты в натуре докопалась до старика. Ему не загорами стольник брякнет. У него на тебя...

– Позолотит ручку...уж я его ракачаю...А, генерал? Всё у него встанет, как штык, я права? Старый конь борозды не испортит...

– Но и глубоко не вспашет! – едко вставила рыжая. – Ну, ты. Идешь наконец! На кой... он тебе сдался?

Парковку снова огласил блудливый смех. Настырная брюнетка не отступала.

– Лолка, кончай кошмарить пенсионера! Сейчас его старуха придет...Айда погреемся в стекляшке у чебуреков! Мороз ляжки жжёт...щас обоссусь! – рыжая сучила ногами, смешливо косилась на неё, кусая губы мелкими злыми зубами.

– Отвянь! Иди, пожмись у чурок.

– Ты чо, Лолка, совсем чиканулась? В натуре запала на этого...

– Запала! – с вызовом сверкнула блесной зубов брюнетка. И, дрожа, накрашенными дугами бровей, шиканула: – Уж по любому он лучше этих бультереров: с баксами в башке, с волынами в руке. Отвянь, засуха! Не твоя забота...

– Ой, девки, укатайка!...Тёрка у нашей центральной зачесалась. Так почи! – ядовито хихикнула рыжая в белых ботфортах.

– А давай забьём!– по-рысьи сузив глаза, Лолка зло усмехнулась, тонкие ноздри её трепетали.

– Что ушатаешь этот «мавзолей»? – рыжая, катая на кончике языка жвачку, кивнула на стоявшего к ним спиной Танкаева.

– Легко. На три штукаря и твои турецкие тени сверху.

– Замётано. Жги.

Глава 2

Пьяные разборки шлюх на панели ровным счётом не занимали, курившего сигарету, Танкаева. Думая о своём, он краем глаза зафиксировал строй машин, лепившихся плотно друг к другу как бобы в стручке. Отметил, что траурный, длинный, как злобная стальная оса «мерседес», всё так же стоял возле гранитного бордюра, а наполнявшие его люди, за зеркально-чёрными тонированными стёклами не подавали признаков жизни. Но сквозь стекло он чувствовал чей-то острый, как скальпель взгляд, и этот взгляд наблюдал за ним, выбрав его среди множества зевак и прохожих.

Танкаев знал это точно. Так было не раз в Сталинграде... Он осторожно выставлял в обгорелый проём окна край каски, чувствуя височной костью ледяное пространство улицы с размытыми безглазыми зданиями, в которых, как не зримые живые точки, таились немецкие снайперы. Такое же ощущение он испытывал и теперь. Показалось? Если бы так...

Это насторожило. Стараясь не привлекать внимание, затягиваясь по-фронтовому в кулак, он, не озираясь по сторонам, живо из-под бровей обметал взглядом окрест. Рядом с чебуречной, мерцавшей россыпью огоньков новогодних гирлянд, трещали драчливыми сороками проститутки, мимо сновали люди: припорошенные искристым снежком меховые шапки, шарфы, шубы, куртки, пальто. Рядом, по правую руку, в сумрачной глубине салона толстолобого «джипа» сказочно зеленели светящимся голубоватым фосфором на доске циферблаты, драгоценно мерцала хромированная связка ключей. В воздухе вечерней Москвы празднично пахло мандаринами, ёлкой, духами и выхлопными газами урчавших машин... Всё спокойно, обычно и ровно. Но тревожное, гадкое предчувствие не отпускало. Чёрный «мерседес» и он, отставной генерал-полковник Танкаев, были скованы одной невидимой тонкой цепью, словно тончайшим лучом, излетающим из лазерного прицела..... Так ощущал Магомед Танкаевич взгляд – пристально наблюдавших за ним людей. В памяти сигнальной ракетой мгновенно промелькнул последний разговор с Верой.

* * *

... Он стоял в гостиной у окна, отложив газеты, и смотрел в морозное голубое с прожилью сиреневой стали небо. Она, протиравшая мебель, тихо подошла к нему. Беспokoйно вздрогнула, прижалась к его высокому плечу, затем закрыла тёплой ладонью ему глаза, устало, с болью спросила: – О чём ты всё думаешь?

Он отнял от глаз её руку, склонил голову и молча коснулся смуглыми губами её белых пальцев.

– Чего тебе всё неймётся? – голос жены напряжённо дрожал. – Когда это всё закончится? Когда ты наконец успокоишься? Хочешь повторить судьбу генерала Льва Рохлина?

– Достойный был человек. Достойный боевой генерал. Боялись его... Молодым убили шайтаны! Терпеть-ненавижу! – в его глазах дёргаось фиолетовое жестокое пламя.

– Миша... – Вера осеклась, выдержала паузу. В её глазах светилась тёплая благодарность. Её любимый человек, непреклонный муж, похоже, не хотел прерывать с ней разговор. Между ними последние годы существовала невероятная связь. Невольно нарушенная предательским развалом страны, кружением идеалов и его уходом по выслуге лет со службы в запас. События, которые он крайне тяжело и болезненно переживал. Осчастливив жену своей сдержанностью, Магомед испытывал затушёванную временем, неясную, но при сём глубокую, необъяснимую зависимость от этой бесконечно любимой русской женщины. Их связывал тонкий, но неразрывный живой стебелёк отношений, который робко прорастал в его угрюмую ожесточённую душу, где последние десять лет с трудом находилось место – состраданию, семейной мягкости, милосердию, но гнездились страстное, враждебное чувство ко всему тому беспределу, что происходил в стране.

– Миша, – Вера подняла тусклые от муки глаза и тихо повторила: – Не лезь ты в эту проклятую политику, Богом тебя заклинаю! Думаешь мало...кто с тобой хочет рассчитаться? Ты, ведь, и в политике будешь всё решать и действовать как генерал, по вашему вэдэвэшному принципу: «Никто кроме нас!» А эта власть... эта адская топь... она этого не потерпит... Не для того она рвалась в Кремль, крушила Советскую власть, чтоб теперь её реставрировать. Тебя сотрут, как букашку! Мишенька, ты слышишь меня? Ну что ты всё молчишь, как могильный камень? Умоляю!.. – вся на нервах она вновь прильнула к нему, точно хотела уберечь от беды, словно хотела передать ему свои силы.

– Да-аа!.. Вот она – твоя благодарность... за всю мою преданность-терпение, – она звонко шваркнула ладонью по своему бедру, отошла прочь. В её голосе слышалось предельное напряжение. – Ты можешь суроветь на плачу, орать-спорить в Военной Академии, со своими подчинёнными, слушателями, можешь лютовать, менять голос, и пусть они думают, что ты живёшь, чтоб указать им путь к воинской славе... Но не надевай на себя каменную маску передо мной! Иногда наступает конец всякой игре, лицедейству... Всякая фальшь умирает. И тебе придется смотреть на мир без фальшивых очков, видеть его таким, каков он на самом деле!

– А каков он на самом деле? О каком мире ты говориш-ш? – близкие накалённые страданием и гневом глаза отражали сталь-небо. – О пристанище в Кремле поганых собак и шакалов?! Предателей и воров народного достояния! Иай! О какой игре, о какой-токой маске ты говориш-ш, жена? – Он весь, как сжатая пружина, заходил по комнате. Перевёл дыхание, обернулся к Вере.

– Для меня вся жизнь нашего поколения... Весь наш путь – это не день поминок. И ни день примирения с этой действительностью. С этой нечестивой, коварной сворой... Но день Торжества! Если угодно моего личного торжества...

– ? – Вера вскинула брови.

– Потому что, проснувшись сегодня утром... поймал себя на мысли... Какое счастье, что я жил и служил в Красную эпоху – в СССР! Что я видел великую, потрясающую мощь нашей Военной триады – в воздухе, на земле и воде. Мощь, перед корой трепетал весь мир. Радуюсь, что был одним из надёжных, крепких винтиков этой железной системы, был полезен Родине и стоял на страже её границ, был командующим Северной группы войск в Польше. И какое счастье, что мне довелось сражаться и проливать кровь за нашу Советскую страну: и в пору её Величия и Несчастья... На всех войнах, которые вёл Советский Союз и тогда и теперь... Спасибо Небу, спасибо судьбе, что мне выпала счастливая честь, солдату своей Отчизны, сражаться за неё и по сей день.

– Миша, опомнись!.. Всякой службе свой срок положен! – она заполошно всплеснула руками.

– Пока солдат жив, он воюет. Не я выбирал судьбу, а судьба – меня. И это слово коммуниста! Я свой партбилет ни рвал, ни сжигал! А ты, помни и гордись, – он посмотрел её в глаза. – Мы жили с тобой в великую эпоху, в великой стране... которую подло, зарезали ножом в спину эти шайтаны... И мы теперь лишь закрываем глаза нашей матери – родине. Дэлль мостугай! Гьруяб гурдахан чагъан... Они хуже фашистов, которые уничтожали нас... Вай-ме! Если б ты знала, родная... – как мне больно... за крушение нашей прекрасной страны... За чудовищные потери, которые мы несём ни в военное время, ни с внешним врагом! А в мирное, от своей предательской 5-ой колонны и вечно запудренного, вишнёвого от водки президента!

Ельцин! Е.Б.Н. – от одной только мысли об этом борове-разрушителе, алкаше самодуре, дорвавшегося до власти, Танкаева затрясло в горячечной лихорадке. Ельцин – эта российская рядовая фамилия, после развала СССР, стала для него равенством с чёрными именами из списков изменников и заклятых врагов РОДИНЫ. Аббревиатура Е.Б.Н. – тотчас породила в нём образ Ельцина, главного виновника случившейся с ним и со всем советским народом страшной беды, убийцы и палача Советского Союза. Тупое, опухшее от водки лицо, с заплывшими

пороссячими глазами, медленно говорящим ртом, смотрело на него узкими, налитыми пьяной слезой глазами. Одеревенелый язык насилу ворочался в тесном зёве. Он оживлялся и багровел лишь выпив водки, которую в дипломатах всегда носили его холуи, и тогда был способен на нелепые, грубые, казавшиеся ему молодеческими выходки. «Яш-то, понимаешь... да у меня все на мушке!.. Могу заставить воробья пешком ходить... Вот такая вот загогулина, понимаешь!» Этот уральский секретарь Свердловского обкома – был отобран и выпестован системой, коя лишала избранников, по мере их восхождения на кремлёвский олимп, благородных качеств и свойств. В итоге он превратился в хитрого и жестокого властолюбца. Но не это делало его ужасным. Таковым его делала фатальная роковая роль, которую ему поручило ЗЛЮ, выбрав тараном слепого разрушения собственного Отечества. Мнительный-мстительный по натуре, он начал это разрушение и Ипатьевского дома, завершив этим актом давнишнюю казнь царской семьи, и рьяно продолжал в беловежской бане, где под сурдинку заокеанского госдепа, было уничтожено величайшее в истории государство, погублены миллионы людей, выброшена на паперть фундаментальная академическая наука, обращена вспять история. В проломы и бреши, которые он нанёс беззащитной стране, тут же хлынули воюющие-чавкающие, визжащие сонмища плотоядных нетопырей, вурдалаков, покрытых шерстью носатых и пучеглазых уродцев, панцирных крыс и прочей двуногой рогатой парнокопытной сволочи... Всё это свирепое-злое толпище рванулось на опрокинутую на лопатки страну; вместе с вожаком четвертовало-кромсало её на части и мгновенно изрыгало её, превратив в труху и объедки. Проклятье! И где бы ни появлялся этот мутный, с тяжёлого похмелья мрачный мужлан, следом за ним двигалась прожорливая и весёлая свора потусторонних тварей, превращавшая жизнь городов и селений в кромешный ад.

И то правда... Было в этом провинциальном бурбоне что-то пещерное, неандертальское, среди обглоданных костей, в шкуре, свирепое, со взрывным инстинктом бить, крушить, душить и голодать... И вот это тупое, злобное животное-правило, воротило Россией. И всё, что было любимо: солнечный крылатый Дагестан, нарядная величавая пава-Москва, жемчужное Чёрное море, отцовская бурка и дедовская шашка на стене, бирюзовое аварское небо, бронзовые чинары вдоль пыльной фетровой тропы и, на гаснущей далёкой горе, ослепительный слиток вершины, – всё это было решительно под властью этого беспалого чудища, под его косолапой пятой. И он заслуженный ветеран Великой Отечественной войны, генерал-полковник, экс-командующий, а позже представитель Главного командующего Объединёнными вооружёнными силами государств-участников Варшавского договора в Национальной Армии ГДР, воин, умеющий стрелять, обученный приёмам рукопашного боя, награждённый многими боевыми орденами, был бессилён спасти свою Родину. Увы, всё это было в прошлом, ещё до прихода словоохотливого брехуна-демамога, безответственного перестройщика Горбачёва. «Сбитый лётчик», как с ядовитым смешком любят сегодня говорить гламурные журналюги – «лузер», «номер его 26-й подползающий». И вот, на глазах этого «сбитого лётчика», верного ленинца, коммуниста, переписывалась красная история его страны, её цели и лозунги.

Замазывалось-поливалося дерьмом и помоями: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» «Миру мир!» «Вся власть Советам!» Топтались ногами, обливались серной кислотой, сжигались портреты великих вождей ленинско-сталинской гвардии, отцов-основателей, которые стояли у кумачовой колыбели Октябрьской революции. Лихорадочно отбивались новые по старым трафаретам – клише призывы и лозунги: «Да здравствует демократия!» «Бой диктату коммунистов!» «Свобода рынку!» «Мир в наших руках!» «Бери от жизни всё, не дай себе засохнуть!» Все «свободные» СМИ и Масс-медиа России, скупленные на корню евреями-олигархами, с утра до ночи неутомимо сеяли великую ложь и рознь, антисоветскую клевету, шумиху и распри между народами.

Как безобразные, злые гарпии-духи вихря и хаоса, что похищали по ночам людей, отбирали и оскверняли своими экскрементами скудную пищу у слепого Финея, так козлоногие,

хвостатые бесы СМИ, с остервенелой ненавистью измывались над покойным великим Вождём всех народов, откровенно гадили, испражнялись холёные кобели и суки в адрес генералиссимуса, победителя нацистской Германии, освободителя Европы от коричневой чумы, стервозно терзали, бодали, лягали и блеяли на разные голоса, пытаясь больше ударить, ужалить, укусить мёртвого льва, разметать, очернить, уничтожить его немеркнущее величие в народе. До крапивного зуда расчёсывался в кровь вопрос о выносе тела Ленина – вождя мирового пролетариата. Этот вопрос, искусственно грохотавший, как бухенвальдский набат, был чуть ли не первостепенным для энергичных, самоуверенных, дерзких упырей, крепко засевших, в сиявших зеркалами и никелем студиях Масс-медиа у своих микрофонов. Это циничное, агрессивное, убеждённое в своей безнаказанности пархатое племя, казалось, не слышало другого набата – иступлённого грёма шахтёрских касок, в конец, отчаявшихся, чумазных горняков на Горбатом мосту, ни стоны рабочих, выброшенных за ворота промышленных индустриальных гигантов, знаменитых на весь мир заводов и комбинатов, ни детского плача в их голодающих семьях. Их стоны и плачи, брань и проклятия, заглушали бравурные звуки из золотой глубины концертных роялей и оркестровых ям.

Каналы ТВ, точно охваченные счастливым безумием, пестрели гламурной попсой, набриолиненными педерастами и наштукатуренными лесбиянками, своей блестящестью напоминавшие навозных мух; силиконовыми грудями-губами, «поющими задницами-передницами, вставленными фарфоровыми зубами, «поющими трусами и лифчиками», конкурсами красоты с заправилами-сутенёрами во главе и в жюри; малиновыми пиджаками, золотыми цепями, швейцарскими часами, подносами с шампанским – словом крутая брынцаловщина, ярмарка тщеславия по Теккерю, триумф разврата и бандитизма, проституции и наркоты под стать Древнему Риму. Золотое времечко для жиреющих, фанатеющих от награбленных народных богатств либерастов всех мастей и калибров, которое они гордо называли «Революция с лицом Ростроповича». А между тем, этот, по сути либерал-фашистский контрреволюционный переворот с «лицом Ростроповича» жёг боевые машины пехоты в туннеле под Новым Арбатом, валил памятники, арестовывал, опрокидывал навзничь, и со звериной жестокостью бил ногами умирающую страну.

После развала СССР и прихода Ельцина к власти, в Ростроповича, яркого антисоветчика, будто вселился бес. Неугомонный, жизнедеятельный старик с виолончелью, зачастил в опальную Москву.

Танкаев усмехнулся в душе, вспомнив постное, как просфора, лицо великого музыканта. Его можно было сразу узнать в толпе по крупным вставным зубам, неопратно-седой лысоватой голове, как у грифа, по стариковско-младенческому взгляду, в котором плескалось то самое счастливое безумие, с каким дирижёр в августе проклятого 91-го года мелькал перед телекамерами с автоматом, неловко, напоказ, нацепив оружие на вислое плечо.

«Вот и теперь... прискакал из любимой Европы... Вся жизнь по расписанию: Рим, Лондон, Париж... его ждут короли и президенты, и... предатели нашей Родины. Видно, привёз посмертную маску на лицо осквернённой Москвы... благодетель».

А по всем каналам летело:

- Боже! Какое счастье, что у нас есть Ростропович!
- Браво маэстро! В самые трудные для России дни он с нами!
- Виват победителям! *Vae victis!*¹
- Вся власть узникам совести, правозащитникам и свободному рынку!
- Коммуняковское отребье на помойку истории!

Что ж, все маски были сорваны. Своему же народу была объявлена тотальная информационная война. История Отечества уже активно переписывалась десятками беглых перьев в

¹ Горе побеждённым! (лат.)

щедро проплаченных доброхотом Джоржем Соросом. А обманутая страна всё глубже и гибельнее всеми силами Зла вгонялась в смертельную кому.

– Standard of life. Запад с нами, господа либералы...

– Запад нам поможет. Viva Victoria!

* * *

Он продолжал хранить молчание, в котором слышалось: «Не спрашивайте меня, я не отвечу. Пока не услышу ответа на свои вопросы».

Улитой проползли ещё две минуты, когда Вера услышала хрипловатое мужнино бормотание:

– ...вам шакалам...не так надо было шкуры дубить! Ца, ца, ца... – Магомед хрустнул мослаками пальцев, взбугрил желваки. Вай-уляй! Наша советская болезнь – короткая память и всепрощение... Чёрную шерсть сколько ни мой, белой не станет. Их надо судить по законам гор. Жаль Сталин умер. Вот уж кто умел мстить, был разворотлив, опять, волю имел, прозорливость. Уж он бы не отпустил вожжи, не допустил! Любую контру издали, как рентген, насквозь видел. Изменникам Родины, заговорщикам-поджигателям-саботажникам – смерть! Всех к стенке! Собакам – собачья смерть! Родина не тряпка, о которую можно вытирать ноги! Иай! Развели гниль...сплошное предательство – вот, что ваша демократия. Это тайная доктрина врага. Дожили! В России компрадорская политика – колониальная власть. Погрязли по ноздри в акциях, облигациях и прочих спекуляциях. В содомском грехе, во лжи и предательстве... Впрочем, неудивительно. Дерьмо у власти, крысятник в Кремле. Да-дай-ии... Чем это видеть, лучше умереть.

Он медленно опустил усталое лицо в ладони. Большими пальцами сдавил виски. Невыносимо больно ныло сердце. На душе у него остались только руины великого прошлого. На его глазах планомерно сдавались врагам одна позиция за другой, словно по воле Злого рока последовательно уничтожалась, гибла армия, которой без остатка была отдана вся его жизнь. Эта доля была непрерывным унижением, бедностью, потерей смысла, тоскливым и горьким созерцанием того, как мерзавцы-предатели, захватившие власть, сознательно губят страну и армию. Невозможность противодействовать преступлению, поднять корпус, дивизию в ружьё и двинуться на Москву. Верная жена категорично не желала разделять его планы и замыслы. Не стесняясь слёз, сыпала свои аргументы, в которых не было: ни солдат, ни танков, ни стреляющих самолётов, несущих возмездие на своих сияющих крыльях.

Мысль о разводе, о слезах-горе любимых дочек, жены, была такой же страшной, мучительной, как и о гибели СССР. Была её продолжением. Непомерным, невыносимым увеличением.

Исподтишка, на бесшумных кошачьих лапах приходила безумная мысль. Чтобы прервать непосильные страдания, раз и навсегда скрыться от них, он, оставшись один в доме, достанет из сейфа наградной пистолет и пустит себе пулю в висок. Уравняется со своими бойцами, которые не вернулись с кровавых полей... Будет, как и они, лежать в земле, оставив все политические дрызги, фантомные боли и жгучие оскорбления, пришедшему на смену, им ветеранам, новому поколению.

Или возглавит штурмовую десантную бригаду, пойдёт впереди своих солдат, в рост, не таясь, чтобы в отчаянном, последнем бою его срезала пулемётная очередь, и тогда он больше не увидит предсмертных агоний своей любимой страны.

Это знакомое по войне, по горячим точкам, смертельное чувство вины, желание себя истребить внезапно накрылось новой волной лютой ненависти к либералам и демократам, убившим и расчленившим его Советский Союз. Перед глазами вновь мелькнула багровая, набрякшая водкой и дурной кровью рожа, главного реформатора. Ни дать ни взять – свиное рыло, матёрого секача. И такую спасительную ярость испытал генерал, такую объясняющую и побуждающую ненависть, неодолимое желание оторвать эту голову от раздутой не свежим

мясом туши, по-старинке насадить её на кол для всеобщего народного обозрения. Что бы раздавленное его варварской пещерной пятой советское общество, обманутые, обобранные до нитки несчастные люди – трудящиеся выходили на берег Москва-реки, смотрели на эту мёртвую, страшную, но неопасную голову седого вепря, убеждаясь, что настал долгожданный конец их мучениям, пришло избавление от унижений и страхов, и они, а вместе с ними и он, генерал-полковник Танкаев, отомщены.

...Если б это было возможно... Из него излетел стон боли, словно истекала душа, словно он, вместе со страной, рушился в хрусте раздробленных костей. Внутренне содрогаясь, глядя отрешённо в окно, он скрежетнул зубами. Сухая спазма захлестнула горло, и он застонал от садной боли, заполнившей его само.

– Ну куда ты опять пропал? – Вера беспокойно ёрзула на диване. – Посмотри на меня...

Он у стола, напротив, отставив пустой стакан в сталинском подстаканнике с чеканным гербом Советского Союза, с праздничным салютом Победы 9-го мая, с расколотой свастикой под сапогом советского воина-победителя. Хмурил лоб, сдвигал жёсткие крепко побитые седой брови. Неожиданно сказал:

– Это приходит, как жуткий сон. Я просто чувствую, знаю... Цх-х, и страшно то... что всё это будет.

– Что «будет»? Что «знаешь»? Ты пугаешь меня, Михаил... Опять за своё?

Он не ответил.

– О, Господи, тебе плохо?! – она качнулась к нему. – Принести валидолу? Я живенько...

– Сиды где сидиш-ш! – хрипло прорычал он. – Эти подлые, ядовитые твари со всех сторон обложили страну, впустили врагов в святая святых – мрачно продолжал он. – Их много, как листьев в лесу, как песка на речной отмели. Они ежедневно и ежечасно уничтожают изнутри Россию. Как трупные черви в туше буйвола, кишат, копошатся, – подтачивая, превращая в труху всё, что мы строили, за что воевали и умирали!

В лице его стало появляться, хорошо знакомое Вере, непреклонное, горское, сумрачное выражение, к которому она так и не привыкла за долгие годы совместной жизни, которого скрытно боялась. Будто сдвигались воедино детали жестокого механизма, образуя неразъёмную, неотвратимо действующую машинку.

– Да пойми ты! – Магомед с досадой мазнул взглядом по жене. Нам всем надо срочно осознать: куда мы катимся? Да что там... в какую бездну летим, ещё не достигнув дна? – перед ней неотступно маячили на лице мужа его чёрные, как гудрон, угрюмые глаза. – И заметь! Из которой, тем кто останется жив, снова придётся ещё подниматься... Но каким путём? Эволюционным... или опять революционным, через жуткую кровь и жертвы братоубийственной гражданской войны?! Вот в чём вопрос. Вот в чём ужас!

– Миша, я тебя умоляю!.. Это не наше дело... Мы прожили тяжёлую трудовую жизнь. Всё отдали своей стране, и кровь свою проливали, а потому, честны перед нею! В конце концов, какое-никакое у нас есть правительство, ему и думать, куда мы «катимся», «куда» летим...

– Молчи, женщина! Кого называешь правительством? Этих свиней-демократов, что топчут друг друга у кремлёвского корыта! Да у них желудок с рождения заменяет сердце. «Бабломер» – вот фетиш нашего безвременья! Диктатуру пролетариата, сменила диктатура денег. А страна без идеологии, без стратегической цели развития, без боеспособной армии, без спецслужб безопасности и прочих властных структур – равна стаду баранов обречённых на съедение. Рэкет и бандитизм захлестнули страну!

Вера, стиснув зубы, слушала несокрушимые доводы мужа.

Цедились дни, месяцы лихих 90-х, и после каждого такого горячего спора с мужем, оседала в её душе терпкая горечь. Тревога за жизнь любимого сверлила мозг, не покидала её днями, навевалась и ночью, и тогда то, что копилось в измученной душе, взнуданное до времени волей, – рвало плотины: ночь всю до дна, она изводила себя мыслями, в слезах, кусая

губы, чтобы не разбудить домашних, приглушить рыдания и нравственную боль убить физической. В подушку выплакивала соль слёз, думая в сердечной наивности: «Тяжёлая, неизлечимая болезнь мужа, должна обуздать его огненный пыл, заставить примириться с преклонными годами-сединами, найти компромисс с действительностью и наконец, всецело заняться своим здоровьем, помощью дочкам и внукам.

После таких ночей вставала она, как избитая: ломило всё тело, настойчиво, неумолимо стучали в висках серебряные молоточки, в опущенных, когда-то отечески пухлых узгах рта ложилась мужалая горечь. Старили Веру бессонные ночи горячие ночи.

– Нет, это невыносимо! – она чувствовала, как мечется в ней безысходное отчаянье. – Не жизнь, а сплошной Сталинград! Живём, как в окопах, на пороховой бочке! Армия, страна и завоевания Октября... А о наших девочках-дочках? О наших внуках! Как они? Тебя это не беспокоит?

– А по мне не видно? – он тряхнул пальцами по столу.

– А вот меня беспокоит! – она бурно дышала.

– Э-э, ты почему грубиш-ш мне всё время?

– Ну, откуда хорошим манерам, воспитанию взяться? – она иронично фыркнула. – Мать без образования, сельская простота. Отца худо помню. Ещё до войны был да сплыл. – Вера вдруг круто поднялась с дивана, не глядя на него схватила тряпку с гостевого стола. Молча пересекла зал, полы то обвивали её ноги, то разлетались в стороны.

– Стой-й!

Его командирский окрик – твёрдый, как сталь, заставил её замереть у дверей. Ожидая гнева, зная его взрывной кавказский нор, она почувствовала, что сердце её бьётся слишком сильно.

– Кругом!

Она безропотно подчинилась. Не забыть Вере короткого взмаха мужниных глаз. Стояла у дверей, молчала, глядела в сторону, не смея поднять глаз. И всё же они столкнулись глазами. Из запавших глазниц нестерпимо блеснул остро отточенный взгляд мужа. Он говорил, почти не разжимая стиснутых зубов:

– Ты что же себе позволяеш-ш?! Значит насчёт, как её?... «Каменной маски», «фальшивых очков»... что я надеваю... Это серьёзно? Я правильно понял тебя?

Вера обмерла, обвела комнату тяжёлым, болезненным взглядом, но сказала единым дыхом:

– Так точно, товарищ командующий! Разрешите идти?

Он стоял и молчал, всматриваясь в любимое, дорогое, как будто забытое лицо. Вай-вай... Она по-прежнему была хороша, хотя... Увы, время не пощадило её, измяло-истрепало былую свежесть. И не по его ли вине – из-за бесконечных забот-треволнений о нём, о дочках, о внуках, о семье? – раньше сроку сплелись под её глазами, у носа и губ, паутинки морщин? Сердце испытало кровавую боль от укуса совести, сострадания. Суровые глаза защипали близкие слёзы.

– А ты хорошо выглядиш, жена. – Он сдержанно улыбнулся.

– Да уж, – вкрадчиво, почти шёпотом огрызнулась она, – для забытой домохозяйки, брошенной на произвол судьбы... Я выгляжу сногшибательно, товарищ командир.

Глава 3

Всё это одним жирным траурным мазком промелькнуло в его сознании. Снова затягиваясь сигаретой в кулак, из-под сведённой арки бровей, он незаметно скользнул по зловещему «мерседесу». Чёрная злая оса, с низким тяжёлым бампером, оставаясь на месте, будто принюхивалась к льдистому глянцу асфальта.

«Может быть, всё-таки показалось? Нервы? Мнительность... Возможно». Тревога понемногу утихла, растворилась в едком раздражении и страдании, коими он продолжал себя изводить. Перед глазами мигал неоновой красно-жёлтой рекламой «Макдональдс», похожий на стеклянный аквариум внутри которого, как пёстрые «гупёшки», бойко мельтешили проститутки, сутенёры, бомжи. Так выпадает на дно гнилого болота ил. Так выступает из пор больного липкая слизь сторевших в болезни клеток. Садовое кольцо с видом на Китай-город, как положительно и все другие красивые одухотворённые места Москвы, увы, стали городским дном преступности и разврата, над которыми поработала химия распада, дорвавшихся до власти разрушительных ельциновских сил. Вот так, златоГлавая красавица Москва, по сговору Зла, незаметно обернулась столицей преступной-гламурной Рублёвки, а не предательски поставленной на колени, разграбленной и обворованной страны.

Танкаев бросил окуроч в урну, взглянул на часы. Время было возвращаться с прогулки домой. Он решил спуститься в метро, когда услышал призывный настырный голос:

– Алле, генерал! Глухой, что ли?

На лице Танкаева появилась ироничная усмешка, похожая на трещину в бронзе.

Лихая брюнетка, с ярким вызывающим макияжем, в распахнутой замшевой куртке, стояла лицом к нему, смеясь хмельными дерзкими глазами. На неё из щели в огромном рекламном щите «Marlboro country» падал свет красного фонаря, точно кровавый закатный луч.

– Смелее, генерал! – она выставила вперёд, затянутую в прозрачный эластан ногу. В этой наготе будто не было бесстыдства, а лишь наивная беспечность беззаботной распутницы.

– Почему «генерал»? На мне погон нет.

– А мне так нравится. Вот тут... подойди, не бойся, глянь! – сыпала она, легко пританцовывая на огромных шпильках, словно зажигала на дискотеке.

Магомед Танкаевич, отвлёкшись от своих мыслей, не перебивая слушал. Из-под каменного лба и серебристых бровей смотрели на проститутку серьёзные, тёмные, как чёрный кофе, изучающие глаза. Девушка, продолжала пританцовывать, воровато, из-за его плеча, поглядывая на приоткрытую дверь чебуречной. Внезапно в танце она сама придвинулась к нему вплотную. Вдруг вскинула руки и, охватив его шею, заволокло зашептала:

Ты охрнительный дед, генерал. Реально Шон Коннери! Даже круче... Я сразу на тебя глаз положила, как только ты подошёл. Тащусь от таких!

Она, скрестив пальцы за шеей, попыталась увлечь его за собой, но это оказалось невозможным, как если бы она попыталась сдвинуть с места каменный обелиск. Неожиданно крепкие, твёрдые, как железо пальцы, шадяще сдавили её запястье.

– Ты чо-о? В своём уме! Ну ты даёшь, дед, больно-о! Стой, стой! Ва-ауу! Не нравлюсь? Да ладно?... Не кобенясь, давай оттопыремся? Уж я тебя раскачаю-у! Знаешь, какая я зажигалка...

– Мы уже на «ты»? Не слишком ли быстро погоняешь, ясай²?

У тебя...

– У меня 3-тий, зацени! – она сильнее распахнув куртку, выпятила

² Девушка (авар.)

окатистую грудь, которая натянула блестящую кофту. – Слышишь, как бьётся сердце, мм? Ну куда ты, Шон? – она бесстыже прижалась к нему, и сыро дыхнула в лицо приторным запахом «Амаретто». – Или 3-ий не катит? 4-ый ништяк? – она понимающе подмигнула.

– А тебе, не пора ли домой, внучка? – он спокойно разжал её цепкие руки и приказно сказал: – Шагом марш домой! Смой с себя эту краску, маргышка, проспись...и подумай...по какой тропе ты идёш-ш. Смотреть тошно!

Но она, будто не слышала, силилась, рвалась выиграть спор со своими марухами – «Три штукаря, блок «Кэмела» и набор турецких теней для глаз – против совращения синильного старика». Мать-перемать! Чо тут париться? Игра стоит свеч. И Лолка шла на штурм: Притягивалась всё сильнее, дышала ему в подбородок горячим вульгарным ртом, смеясь, задыхаясь, пытаясь вырвать победу любой ценой. И вдруг поняла – проиграла. В отчаянье пихнула его в грудь, плюнула матом в лицо:

– Не хочешь? Не хочешь?...А может, не можешь?! Так ты меня не суди, лучше помоги материально. Не мы, а вы устроили нам такую житуху – совки. А у меня мать больная дома лежит, брат маленький...и жрать не хер! Так – то вот, генерал! Позолоти ручку, Шон...

– Пошла ты...хъартай гьой...Пошла вон! Сопливая дрянь! – Он насилу сдержался, чтобы не вlepить ей затрещину.

Медные кулаки сжались с синими стариковскими венами, блёклые, впалые щёки схватились кармином. Под вязаным шарфом гневно ходил кадык, в зрачках вспыхнуло отвращение.

Брюнетка отшатнулась от него, как от огня. Беспощадный блеск стерегущих её глаз – испугал. Поджарый носатый старик с высохшей жилистой шеей, похожий на беркута, больше не был предметом её вожделения. С площадной откровенностью она сыпала руганью, на лице дёргались злые дуги бровей, брызжущий нервный смех мстительно шурил вульгарно обведённые жирной тушью глаза.

« Вот же сучка приبلудная! Блядь твоё имя! Руки белые – работы не знают. А была б при муже, при детях...Знала бы на какой стене плеть висит. За делами некогда будет задом вертеть... Иай, кобыла гладкая...На уме – одни кобели, игрища, пьянство, да улица...ТЬфу, бахунeб унти³!»

– Ну ты-ы...совок!! – красногубая шлюха сделала непристойное движение и, играя бровями пошла под срамной хохот своих сикух к стеклянным дверям. У порога торопливо оправила кофту и громко выкрикнула ошалевшему генералу:

– Ты за это ещё заплатишь, старый коз-зёл!

* * *

Танкаев запахнул расстёгнутое пальто, решительным шагом пошёл прочь. Угрозы шлюх, летевшие в спину, его занимали мало. Другое серьёзно тревожило-теребило сознание. Ему опять казалось, что к его кожаному пальто, туфлям прилипла незримая паутина. И кто-то скрытный, как вражеский снайпер, смертельно-опасный, неотрывно следит и ведёт его.

« Похоже, и впрямь права жена».. На нас, генералов, оставшихся верными присяге Союзу...В Москве открылась охота, как на волков». Он снова бросил беглый взгляд на подозрительный «мерседес». Тот оставался на месте, тлея зловещими красно-гранатовыми габаритами.

...Обходя строй машин, ища взглядом значок метро, он испытывал незнакомое прежде страдание. Нет, не душевное, не психическое, а особое страдание плоти, когда боль возникает в самых кровяных клетках кожи и мозга, будто их растворяют в бесцветном растворе, рассыпают в желудочном соке. Было отчётливое ощущение, что его плоть, его энергия являются банальным кормом для какой-то иной, чужой, присутствующей здесь жизни.

³ Зараза (авар.)

Он торопился к метро, как вдруг услышал за спиной чьи-то крики и топот. Впереди ему заступил дорогу здоровый спортивного вида бритоголовый браток в чёрной кожаной куртке. В голове промелькнуло: «Вот и ещё один отрезок твоего пути среди иных бесчисленных – быть может, той дорожки, что тянулась из Гидатлинской долины в Гуниб, в которой находилась школа колхозной молодёжи, в которую каждую субботу он собирался пешком. От Урады до Гуниба – вёрст семьдесят с гаком. Преодолевать нужно было Куядинский, Зиурибский, Колобский, Накитлинский горные перевалы, переходить вброд стремительные, ревущие как зверь, речки... А, быть может, той кладбищенской мокрой от слёз дороги, по которой ступала родня, пронося на руках особые носилки – ганзи с омытым телом усопшего, обёрнутое в белую ткань и накрытое ковром, – и вот ещё один отрезок движения, быть может, последний, встраивается в твою длинную, стремящуюся к завершению жизнь...»

Танкаев со звериной загнанной остротой понимал смысл происходящего. Чувствовал посекундно, как время сжимается в чёрный пятак; в сверхплотную точку, как яблочко мишени, и в этом месте, куда, поражая мишень, влетело время, в пульсирующей огнями темноте, за оградой, взлетели истошные бабьи голоса:

– Люди! Лю-ди-и!! Это ж, что деется?!

– Куда милиция смотрит!!

– Ой, убивают! Помогите-е...

Толпившийся у стоянки народ, шумно шарахнулся в сторону от беды. Вот и вся подмога. Куда что подевалось в душах людей? Было, да видно вышло... Вашу мать!.. Остался лишь надгробный пластмассовый веник. Стоявшие за оградой автомобильной парковки, разгорячённые зеваки, откровенно ждали продолжения. Вглядывались, подзадоривали, толкали локтями друг друга, каркали ехидными смешками, шуточками, ругательствами. Того и гляди, начнёт вороньё каркать ставки: «Кто кого?» «Ох, отмудохает сейчас братва старого... до смерти кровью ссать будет!» «Куда лезет совок?»

* * *

...Заступивший дорогу бугай, с расставленными ногами, крутыми плечами, в чёрной кожаной куртке и золотой цепью на шее, плюнул под ноги Танкаеву. За спиной сутенёра послышался мстительный визг шлюх и ядовитый смех Лолки. – Что... допрыгался, старый хрен? Это он! Он! Лапал меня, а бабки зажал. Прочисти ему мозги, Лимоша! Ветерана склероз разбил.

– Свали, сикуха... – бритый под ноль Лимон, хрустнул мослаками пальцев. Под чёрной лайкой взбурлились могучие мышцы, в зрачках мелькнул ртутный отблеск беспощадной насмешки, который застыл в этом тупом, замёрзшем взгляде.

– Ну ты попал на бабосы, дед, – зловеще протянул он. Чо делать будем?

– «Бабосы»? – Танкаев холодно усмехнулся. Я её знать не знаю... Пальцем не тронул. Э-э, кого слушаеш-ш? В его медном лице стало появляться то знакомое непреклонное, угрюмое выражение, когда в его жилах закипала аварская кровь. Выражение – которого боялись враги. Будто сдвигались воедино детали жестокого механизма, образуя, неотвратимо действующую машину.

– Последний раз говорю – пропусти! – чернильные, с фиолетовым отливом глаза в упор смотрели на бугая. – У тебя есть чэсть. Я тебе в отцы гожусь.

– В деды, – гыгыкнул здоровяк, шуря злые глаза. – Стоять, лошара! Не надо песен за советскую власть! Срал я на твою «чэсть» и медальки. Бабосы гони...

– Или... – генерал на секунду оглянулся.

И в тот же момент Лимон, точно с цепи сорвался. Рассекая кулаками воздух, он хотел порвать-растоптать несговорчивого 2клиетна». Но поджарый старик, мгновенно, как тореадор, отступил в сторону, пропуская ревущую мощь мимо себя.

– Завалю! Урою, гад!! – глаза взбешённого Лимона застлала красная пелена. С оскаленными зубами, зрачками, что раскалённые картечины разрушительной энергии был совсем

рядом. От его набитых в драках бурых кулаков валил пар. Изрыгая мат, он зычно взревел, предвкушая последующие события. Пытаясь ухватить генерала за горло, он, словно зверь, жаждал зубами добраться до ярёмной вены. Жаждал...но вместо этого ухватил накаченными ручищами ломкий воздух, подскочил на упругой спине, лихо поднырнувшего под него десантника, и через голову со всего маха полетел на асфальт.

* * *

– Ах, с-сука! Прыткий козёл попался! – гаркнул кто-то со спины. – Ну, чурка, я тебя научу уважать московскую братву!

– Вали его, Витёк! Мочи-и! – орал кто-то справа.

В следующее мгновение стальное перо прыгнуло в неоновый свет рекламы «Макдональдс».

* * *

Танкаев сначала услышал шорох извлекаемой финки, похожий, на чей то шёпот. Затем увидел лезвие с бритвенно-тонкой кромкой, по которой скользнула голубая молния. Его привлекла плавная, нарастающая к острию волна белой стали и желобок, в котором струился малиновый свет рекламы. При виде этого лучистого желобка у него знакомо сжалось горло. Так бывало при встрече в горах с гюрзой, так было не раз на фронте в рукопашном бою, так было теперь. Но больше всего его изумило вдруг, что всё это происходит с ним, генерал-полковником, здесь и сейчас, в любимой Москве, за которую в 41-м он проливал кровь, терял боевых товарищей...И вот теперь – на восьмом десятке лет! – такое... будто всплывает из таинственной бездны Зла.

Уф Алла! Всё это на Яву надвигалось на него, превратилось в автомобильную парковку, в бетонный пятак, освещённый холодным неоном, в скуластого, с редкими зубами подонка, в яркий, как звезда, нож, горящий в нервных, вертлявых руках.

* * *

– Ну чо, стахановец, молись...Сдохни, падла!!

Танкаев был начеку. Ему ли фронтовому, вэдэвэшнику, опытному бойцу – да впросак? Вр-решь! Он лишь посмотрел на лезвие, но не сдвинулся с места.

– Брось нож, или я забью его тебе в брюхо.

– Ты чо, хрычан, вконец рамсы попутал? – редкозубый был в шоке от бесстрашного старика. – Тебе жить насрать? Десантура, что ли? Так я ж тебя, упёртого на куски порежу!

– Хехго!⁴ Тогда Витьку витьково...

– Чо-о?!!

Это мгновение и определило судьбу нападавшего: прямо из пустоты вылетела рука генерала и врезалась ему в висок. Тяжело пошатнувшись, блатной оскалил зубы. Удар оглушил его. Он удержался на ногах лишь потому, что успел крепко ухватиться рукой за кожаный борт пальто. Раздался треск лопнувших швов. На лёд брякнули оторванные с мясом пуговицы.

Бойцы разлетелись по сторонам. Тяжело дыша, пожирая друг друга глазами, стали сходиться.

Что-то в штанах у тебя перевешивает, – подмигнул генерал, – и это, похоже, не твоё достоинство, джигит, мм?

– Убью-уу! – Витёк взмахнул финкой, но запястье его вдруг очутилось в железных тисках. Он зарычал от боли, нож звякнул о бетон. И тут же прямо в лицо ему камнем прилетел другой кулак, выбил пару зубов, наполнил рот кровью.

Работая, как не знающий сбоя, хорошо отлаженный агрегат, Танкаев резко вскинул на выверт взятую в замок руку. Мерзко хрустнула, сыро, как капустный лист, кисть. Сутенёр, взыв от боли, повернулся вверх тормашками, подобно куску мяса на шампуре, и с размаху

⁴ Ну же! (авар.)

шваркнулся рожей в бетон. Там, куда пришёлся инерционный удар, – сочно чавкнуло, расплющилось, потекло, превратилось в багровый пузырь с белыми, среди слюны и крови, зубами.

Стоянку опять огласил бабий вой вперемешку с восхищёнными восклицаниями мужиков:

- Ой-ёченьки! Ой, убиваю-юут!!
- Старый молодых кончает!
- Ну, ни хера себе! Глянь!..
- Во дед красавец! Во даёт! Уже двоих братков завалил.
- Ё-моё! Вот это кадр! Шаолинь отдыхает!

* * *

Серия боксёрских ударов, – коротких, жестоких, в спину, по почкам, в хребет, в печень, – отбросили Магомеда к чугунной ограде. С клетотом, всхлипом, он стал заваливаться набок, стараясь этим наклоном уберечь ушибленную печень, восстановить дыхание. «Да сколько ж вас поганых собак? Дэлль мостугай...Рихине!⁵»

Но страшнее было другое. Он потерял ритм, сбил дыхание, жарко и сипло дышал. Его немолодое, утомлённое тело не справлялось с молодой и кипучей силой, дышалка предательски захлёбывалась, в горле бурлил и клокотал хининовый ком боли. Глаза и седые виски заливал липкий пот.

Воля, кою он использовал как плеть, хлестала его по мышцам ног, по горячим рёбрам, по дрожащему мокрому животу. Вай-ме! Но воля иссякла, уступчиво отступала перед страданием униженной и обессиленной плоти.

«Помогите! Поддержите!.. Люди вы или кто-о?..» – хрипел его внутренний голос тем, кто стоял поодаль: курил, скалил зубы и делал циничные ставки на победителя.

* * *

Сознание, точно автоматная очередь, прошла жгучая мысль: «если не отобьюсь – конец...Мои доченьки Надя и Оля...моя жёнушка Вера...Душа моя...Небесная ласточка...» – он ощутил, как ослабел. Нежность и боль сделали его слабым. Глазам стало туманно и влажно. Он почти не видел своего врага, свет уличных фонарей растянулся в сплошную млечную полосу. – Милые вы мои, как же я люблю вас!...как дорожу!.. Как мне больно и худо без вас!..»

Вспышки памяти за доли секунды вырвали из тьмы драгоценные картины: залитая солнцем Урада. На склонах гор, как белые облачка, отары овец...Где-то в низине голубым шнурком извивается хрустальная речка. Рядом мирно пасётся табун. Лошади сочно хрупают зелёной травой, вяло хлещут тугие крупы хвостами. Алмазные пики гор застыли в полуденном зное; вокруг звенящее кузнечиками разнотравьеб шмели, слепни, бабочки, мотыльки, быстрые стрелки стеклянных стрекоз. Всё гудит, мельтешит, брызжет яркими красками, дремлет и млеет в жарком покое...Он, верхом на коне, возвращается домой по тропе...На камне сидит отец в папаче с родным забытым лицом. Оперевшись на глянцевиный посох, смотрит в далёкую череду красно-лиловых гор, и морщины его медные от низкого солнца...

Вдруг вспомнил её – родную, любимую, единственную. Вспомнил остро чуть не до крика.

...Она положила ему руки на плечи, притянула к себе. Поцеловала, сначала быстро и нежно, воздушно касаясь губами, потом долго и жадно, прижимаясь к нему. Он закрыл глаза, обнимал её среди прохладных подушек. Слышал, как упал на пол её гребень, как звякнули о стеклянную столешницу её агатовые серьги. А когда открыл глаза, она была вся перед ним. И он, на мгновение, трезвея, подумал, что последний раз в жизни видит свою жену, свою милую и любимую, может насладиться, восхититься видом её белой груди с тёмными сосками, её выпуклого, с тесной выемкой живота, её округлых бёдер. Всё это дано ему в последний раз...И больше не будет её запрокинутых локтей, продавивших подушки, её приподнятых перламут-

⁵ Ненавижу! (авар.)

ровых колен, под которыми смялось полосатое покрывало. Не будет её горячего страстного шёпота... От этой мысли ему стало жарко, жутко и душно.

И тут он узрел в небе тёмный силуэт орла, похожий на алебарду, кроивший под стальной перстатой тучей, широкий круг. Услышал его воинственный клёкот. Сакральный Тайный помощник, что прилетал к его колыбели – был с ним! Тугим хлопаньем крыльев вкачивал в него силу и ярость, призывал отстоять свою честь и достоинство.

Вглядываясь в лицо врага, в груди Танкаева застучало!

Он когда-то уже видел это лицо с резкими хищными чертами, белое, точно высеченное из мрамора. В темневших на этом лице провалах глазниц скрывались глаза – ледяные, немигающие, гипнотизирующие с холодным блеском надменности-превосходства.

«Где же я видел это лицо? – бухало в висках. – Где-е?!...»

* * *

– Как же так, сынок? Почему и за что? Когда ж вы все ссучились, стали такими? За что перестали любить Родину и уважать старших?... – морща от боли лицо, расправляя плечи, генерал сплюнул красную слюну.

– Дома надо сидеть, дед. Дома! Чужой век проживаешь, панфиловец. Прошло ваше время – трындец. – Блондин со стальными глазами, твёрдо очерченным подбородком, по-боксёрски, нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

– Это ж... почему «прошло»? – сипло выдохнул Танкаев.

– По кочану! – блондин оглядывал генерала с головы до ног, как лесоруб оглядывает дерево, которое нужно свалить, ищет на подрубленном крепком стволе место, куда нанести последний, решающий удар топором.

– Всё верно... Двум смертям не бывать, а одной не миновать, – в его ушах звучал орлиный клич. – Будем бить врага, пока крепка рука, – по-аварски сказал он.

– Ты чо там скрипишь, чуркан? А по рогам, сохатый? – ледяные глаза гвоздями впились в горца.

И тут, будто вспышка молнии! – Он вспомнил это лицо. – Фон Дитц! – те же глаза, те же резкие хищные черты лица, будто высеченные из белого мрамора. Уо-ех! И такая безумная ярость обуяла Танкаева, такой объясняющий, побуждающий гнев, что по лицу его, словно скользнули языки бурлящего пламени.

Вовремя поставив левой рукой блок, правой он нанёс апперкот в челюсть. Голова белобрысого мотнулась в сторону, сыро блеснули зубы, белки глаз. И прежде чем бандит смог нанести новую серию ударов, Танкаев сгруппировался и ударом ноги в колено осадил нападавшего. И тотчас, с другой ноги пнул прыткого вышибалу в голову, чувствуя, как хрустнули связки бедра.

Белобрысый отлетел к стоявшей рядом машине, кувырнулся через капот и затих в ледяной жиже из бензина и снега.

* * *

Он снова сбил дыхание. Втягивал рваными глотками морозный, пропахший выхлопными газами воздух. Старался держаться ровно, чувствуя, как жестко, почти со стуком, работают его отвердевшие мышцы и сухожилия. Считал по привычке продолжительность вдоха и свистящего жаркого выдоха, количество скачков и ударов сердца.

Под выкрики-свист зевак, он собрался уже затеряться в толпе, когда услышал за спиной проклятья Лимона в свой адрес. Генерал тяжело подошёл к главному сутенёру, взгляд чёрных аварских глаз припёр его к бордюру:

– Что... упёрся зубами в асфальт, шайтан? Вижу... лоб ты забрил по моде, как зек, а вот от армии откосил. В глаза! В глаза мне смотри!

– И чо? – борзо, с вызовом процедил Лимон, щуря заплывший глаз, блатно выворачивая разбитые губы.

Генерал сильнее надавил ребристой подошвой на отъеденную рожу:

– А то, что на каждую хитрую жопу есть хер с болтом! Цх-х! В армии, тебе – барану, быстро бы мозги вправили. Научили бы Родину любить. У нас ведь, как:» не знаешь – научим, не хочешь – заставим». Уж поверь мне.

– Ты...военрук, что ли? – Лимон цвиркнул сквозь зубы красной ниткой слюны.

– Вроде того. А вот со старшими надо на «вы»!

Массивный десантный башмак оторвался на миг и вновь опустился на бритую башку. Послышался шмякающий костяной удар об асфальт.

– Ты мне нос сломал!

– Радуйся, что не другое.

– Ой, бля!.. Больно же!

– Блядь твоя судьба, которая сделала из тебя не защитника Отечества, а кусок дерьма.

Место твоё на нарах. И запомни: каждый баран, как ты, рано или поздно будет подвешен на крюк за свои яйца. Дошло-о?

– Ага-а... – жалобно проблекотал Лимон, схаркивая чёрный сгусток и осколки эмали.

– И ещё заруби: обходи меня. Попадёшься со своими шакалами – убью! Понял?

– Угу...

– Не «угу», а так точно.

– Так точно...командир.

Когда генерал убрал ботинок с его сизо-бурой вздутой щеки, Лимон попытался подняться, но мозг захлестнула чёрная волна, и он вновь уткнулся в бетон, чувствуя как по спирали уходит всё глубже на дно какого-то тёмного омута.

Глава 4

Кто-то наконец-то вызвал ментов. Дежурный «бабон» бешено сверкая мигалками, завывая, как безутешная вдова, вырвался из общего потока, сбросил с себя шелуху проклятий водителей, и с рёвом, и хрустом свернул к парковке.

«Этого мне ещё не хватало! Поздно пить боржоми, когда почки отказали...» – искося наблюдая параллельное скольжение машин, Танкаев ускорил шаг. Жарко дышал, по-волчьему растягивая рот. Его глаза сузились в тёмные щели, в которых зажглись золотые точки – отражения стоящих вдоль улицы фонарей.

Нет, не менты в камуфляже с автоматами, дубинками и наручниками беспокоила его, не бритоголовые братки, валявшиеся на асфальте... Но те, кто скрывался в чёрном «мерседесе», кто давно уже преследовал и следил за ним.

Перед тем, как покинуть парковку, он ещё раз бросил взгляд на зловещую машину. «Мерседес» исчез.словно незримый великан накрыл его своей ладонью и, как игрушку, перенёс на другой проспект Москвы. Свято место пусто не бывает. Свободный прогал в строю машин занимал теперь белый «форд».

...»Мерседес» растворился в потоке машин, но тяжёлый осадок остался. Такое ощущение он часто испытывал на фронте, чувствуя среди холода промёрзших стен развалин живую теплоту огневых точек, заложенных мешками бойниц, укрытых у фундамента пулемётных и снайперских гнёзд. Ему опять казалось, что к его лицу прилипла тончайшая паутина, что он вновь в перекрестье оптического прицела и мушка, прилипшая к его лбу, уж никуда его не отпустит.

Желая избавиться от гадкого ощущения, сбросить с себя мнимую тенету, рассечь сей неотвязный поводок, он втискивался в толпу, попадал под сердитые окрики и толчки, надеясь, что чужие локти и плечи порвут липкие нити. Тщетно.

...Вот и теперь он спускался в метро, теша себя надеждой, что створки двери наконец перекусят эту проклятую нить... И он, освобождённый от слежки, умчится прочь в серебряном вагоне. В чёрном туннеле подземки мелькали лампы, блеснул металлический поручень, и в свете и громе неслась за ним эта чертова нить, словно тонкое волокно световода, точно нацеливая на него чей-то зоркий немигающий глаз.

К 22.00 измученный, злой и уставший, он добрался до дома. Состояние мерзкое. Казалось: Москва сжала свои каменные клещи, выдавила таких, как он, словно косточки из фрукта, выбросила из квартир на улицы, выставила под люминесцентными лампами у заплёванных кафельных стен, разбросала по полутёмным дворам, где стояли зловонные мятые баки с отбросами, где справляли нужду взлохмаченные в драном рубище бомжи, пили водку, делили дневную добычу и били друг друга морды.

Перед тем, как нырнуть в арку двора, он ещё раз обернулся. Долгим внимательным взглядом оглядел дорожную трассу и фасад городского парка... В январских, сине-фиолетовых сумерках контуры зданий и жерла улиц, обрызганные фонарями, в длинных блёстках пролетающих автомобилей, казались накрытыми одним гигантским прозрачным колпаком. Над всем этим, сквозь копоть и пургу, с высоченной рекламы, словно кровавая рана, жутко пылало рекламное табло «Кока-Коль», и на нём покровительственно, как печать Вселенского Зла, проступали сакральные цифры 666.

* * *

– Миша-а! Ну наконец-то вернулся... все нервы сожгла! Бог мой, что с тобой? – она со страхом смотрела на него. – Господи, на кого ты похож? Весь в грязи и в крови! Тебя сбilo машиной?

Он не ответил. Стянул перчатки, бросил на трельяж.

– Так точно. Как Жорка Бурков... в «Стариках-разбойниках», – он усмехнулся, пытаясь свести разговор на шутку. – Так ерунда, потолкались у метро... – Он скинул ей на руки тяжёлый кожан.

– Сам ты... старик-разбойник... – она закусила губу, но не сдержалась. – Не пойму? К тебе приставлен водитель, персональная «волга»... а ты?

– Ты же знаешь, Вера, – он набросил на крючок мохеровый шарф, – «наши люди на машине в булочную не ездят».

– «На такси», – поправила Вера. Она слушала рассеянно, словно его приход прервал какую-то мысль, и она боялась ее забыть.

– Что с тобой? – ему было плохо. Она накопила против него столько женских обид, столько недобрых, хорошо подобранных слов, что ему было нечем ответить.

– За что? За что нам такое? – она скорбно посмотрела на его помятое в драке лицо. – Опять одни напасти...

– А на Россию? – он сбросил тяжёлые на шнуровке десантные ботсы со следами размазанной крови.

– Господи... чем-то всё-таки мы прогневали тебя. Какой-то на нас всех грех и проклятье! – Она быстро отнесла замывать, чистить его надорванное пальто. Вернулась. – Грех и проклятье... Да, дав, на мне, на тебе. За это нас Господь и карает!

– Надоело, смени пластинку. И оставь меня в покое. – У него не было ответных слов и ответных обид, а только непрерывная боль. Он сжал глаза, стремясь не пустить эту боль на дно глазных яблок, где ещё мерцало отражение ненавистного вражеского табло «Кока-Колы».

Умывшись, он прошёл в свой кабинет. Вера тенью вошла следом. Внезапное раздражение и желчное отрицание на слова жены накрыли его с головой. Будто в мышцах сжались волокна, он передёрнул плечами, пропуская сквозь себя большой заряд электричества.

– Я же просил тебя! – не поворачивая головы, вспылил он.

– Не гони меня! Я этого не заслужила.

– Иай! Нет никакого греха! Шакалы-стервятники! Предатели разорили страну! Открыли ночью ворота и впустили врагов! Рэзать-стрелять их надо, сволочей. Для этого ещё и живу. Сам, своими р-руками!.. Как в 42-ом в Сталинграде! Клянусь Небом, Огнём клянусь!.. Буду стрелять, как фашистских собак!

– Тише! Тише, Михаил! Дети уже уложены спать! Ты что! – ужаснулась Вера, кладя ему руку на лоб, закрывая ладонью брызнувший из-под сведённых бровей фиолетовый пучок ненависти. – Хватит крови! От крови другая кровь, а от той третья... И так конца края не будет! Надо очнуться, понять свой грех и покаяться. Тогда, быть может, Господь нас простит и на Россию снизойдёт благодать. Так церковь говорит наша... и я верю, Миша. – Она осенила себя мелким крестом.

А в нём опять слепая волна бешенства, отчуждение от неё. От её бабьего лепета, от облегчённых ответов на жуткие, не имеющие ответов вопросы, среди которых погиб великий Советский Союз, сокрушён континент... Убиты тысячи несчастных людей и многие тысячи, миллионы будут убиты, – если погибнет ещё и Россия. Не-ет! Он, генерал-полковник Танкаев, без солдат, без командиров, без армии, без танков и ракет, сам отыщет ответ, возьмётся исправлять страшную ошибку истории, – вновь поклялся он сам себе.

– И всё-таки, что случилось с тобой? Куда ты опять влип? Господи, Господи... Боюсь за тебя, за нас, Миша. Не хотела говорить, но скажу. Меня тоже мучит один и тот же сон... Прилип пиявкой к сердцу, давит и давит... Сон о тебе... и тоже, как то ужасно. Куда-то бежишь, кого-то зовёшь. Сидишь за железной решёткой. Просишь пить. Я несу тебе кружку, но знаю, она пуста, без воды. Протягиваю сквозь решётку руки, а меня больно бьют по рукам. И так жутко-страшно... за тебя, за себя!

Он хмуро слушал её и думал, какая сила их развела. Кинула на разные полюса гибнущего государства, в хаотичные водовороты бунтующих толп?...И чувствовал: раздражение, и желчное отрицание не проходили.

– Так, что случилось с тобой? Не мучь меня... – она подошла ближе, сложила ладони на груди.

Тёмная, слепая сила хлынула в неё из его чернильных выпуклых глаз:

– После развала Союза... в Москве развелись шакалы, которым захотелось, чтобы кавказцы перед ними юлили, кланялись, хвостами махали. Цх-х! Дурная кровь пришла в Кремль, затопила все ведомства-министерства. Вах! Но кавказцы не собаки...и никогда ими не были. У нас тоже есть гордость и чэсть, клыки и когти! Вот такой ликбез и провёл с отморозками. Должен же кто-то, зарвавшимся гадам, указать их место.

– И это...должен делать пенсионер? Генерал-полковник в отставке? Начальник Военного института в Москве?! – она обречённо всплеснула руками.

Магомед повёл бровями, вздохнул, стиснул челюсти, сел в кресло, храня молчание, хмуро уставился на свои большие смуглые руки.

Последовала долгая пауза, лишь чёрные ветви деревьев раскачивались за окном, да январский ветер тихо напевал на крыше. Вера, скрестила руки на животе и осторожно поглядывала на сурового мужа. «Нет, конечно же, нет», – подумала она, – «из треснувшей чашки чая не выпьешь». Ей придётся бороться со своими тревогами-страхами, как обычно, одной. Она наперёд знала, что скажет муж и, что скажет она. «Молчи, терпи и доверяй мне. Оставь меня в покое. Мне некогда. Иди, займись воспитанием дочерей». «Вот именно: всю жизнь я и слышала это от него...Похоже, он любит свои принципы и слова, больше чем меня». «Не надо, Вера, искать философской глубины на мелких местах. Лучше ступай на кухню и займись своим делом». «А может, он прав? И это его осознанный выбор воина. Он такой был всегда. Разве, я полюбила другого? Значит другого и не дано. Его не исправить, не переделать. Мне же остаётся смиренно нести свой крест».

Она слегка повернула голову, и её профиль чётко высветился на фоне включенного торшера. Но всё-таки с её языка слетело едкое, наболевшее:

– Ты как всегда стоишь на своём... Не сдвинешь. Ну за что мне такое наказание?

Она тихо коснулась его плеча. Не проронив ни слова, он крепче сжал её ладонь в своей. Но это лишь масла в огонь её изболевшегося сердца.

– Нет...Ты не любишь нас. Только себя! Так было всю жизнь. Тебе надо было жениться не на мне, а на Армии... Что ты и сделал, легко перешагнув через нас. И чего ты добился? Кого сделал счастливым? Стал генералом? Командующим СГВ. Государство, Родина, о которых ты бесконечно твердишь – они пыль, обломки, ничто! Армия, которой ты служил дни и ночи...погрязла в коррупции и диком воровстве. Она развалилась без единого выстрела. Всю жизнь ты промотался, как рыскающий волк, там, где убивают, дымятся головни, валяются трупы. Ты...Ты страшный человек. Непонятный. Чужой. Боже мой! Какая я дура...Что говорю? Не верь! Не слушай. Люблю тебя всю жизнь и буду любить Мишенька, родной, умоляю... – она упала перед ним на колени, залила слезами его тяжёлые, медные кулаки. – Ну хоть ради моих слёз...Ну не лезь ты в это пекло, в эту паровозную топку! Зачем ты всё это делаешь? Больше всех надо?

– Ты сможешь простить... – он снова коснулся губами е пальцев. – Прости...потом...когда-нибудь...

Она с бурным протестом вырвалась из его рук, глядела снизу вверх на его суровый орлиный профиль и беспорядочно взмахивая руками, сыпала перекипевший шлак слов:

– «Простить»? Когда «потом»? После твоей смерти? Ну куда тебе взмывать в небо?! На кой...нужны тебе под старость лет...эти долбаные политические скачки. Ты же знаешь... Там голимое дерьмо! Прости...но ты неизлечимо болен, Миша...Ну нельзя тебе, понимаешь

– нельзя-а! Переносить такие нагрузки... Ты и так несмотря на ранения лёгких и контузии, полученные на фронте, вопреки всему, совершил 185 прыжков с парашютом. В течение 20 лет был народным депутатом Верховных Советов СССР и Дагестанской АССР. И работал, тянул эту лямку, как раб на галерах!.. И этого всего – мало тебе? Ну, что ты будешь с ним делать... – она поднялась с колен. – Упрямый как весь ваш аварский род!

– Что-о?? – в его глазах вспыхнул фиолетовый отсвет.

Но Вера не сдавалась:

– Это я у тебя хочу спросить «что»!

– Может, хватит! – Он раздул ноздри.

– Это тебе хватит нас всех держать за горло, как жертвенных овец! Не понимаешь? Что ты меня без ножа режешь? В гроб раньше смерти, живой кладёшь. Мы муж и жена или кто?

– Оставь меня.

– Что старая... не нужна стала? – Вера обиженно стиснула зубы, и её слова, как стальной резец, раз за разом всё глубже снимали стружку. – Хватит из меня делать дуру! Я же за тебя волнуюсь. Довольно с ума сходить. Я из кожи вон – бьюсь за тебя, стараюсь... Дочки стараются, а ты... Да плевать тебе на всех нас с парашюта...

– Замолчи, женщина! Не лезь под кожу, змея! – Магомед, сгорстив волю в кулак, замолк. Скрестил руки на груди и не отвечал больше ни на один вопрос. Тяжёлым гнётом ложилось на плечи Веры его молчание.

В глубокой тишине истекла минута, другая.

– Вот в этом ты весь. Тиран, средневековый феодал! И всегда таким был. Не могу больше, – она боком подошла к дивану и села, роняя голову на руки, дрожащими ладонями закрывая взывшееся красными пятнами лицо.

Он, чувствуя, как мечется-бьётся птицей в клетке в ней безысходная злоба, любовь, отчаянье, страх, глядел на поседевшую прядь русых волос, упавших из-под платка на плечи жены. Смотрел и прекрасно понимал: Вера лютовала, защищая их священное семейное гнездо, боролась за него, за его здоровье, за своё тихое семейное счастье и при этом в сердцах по-бабьи, за прежнее, накипевшее, – жалила и разила теперь.

– И я не могу больше... – его слова, как камни, упали на Веру.

– Что? Что, ты, сказал?! – она подняла на него зарёванные, опухшие, точно слепые глаза. – Ты что задумал?.. – она испуганно вглядывалась в его лицо. – Я...я законная твоя жена...И приниженной, раздавленной горем брошенкой не стану. Уж лучше сразу в могилу шагну... Миша! – она в мольбе протянула к нему руки, неся в сердце кровяную боль. – Ты мой, только мой – никому тебя не отдам! Мой! Мой...Слышишь?

Он вдруг сам испугался своего кремнистого отчуждения. Говорил себе: «Мы не вправе... мы не должны расставаться. Теперь никуда не буду уезжать, плюну на все звонки и просьбы, как плюнули в Кремле на наше поколение... Буду здесь, при доме, с тобой, душа моя». Он испытывал благодарность. Он действительно часто, даже очень часто не был с ней рядом месяцами, в те дни, когда было очень трудно одной с детьми, в те стылые ночи, когда её душили кошмары, обиды и слёзы. Он был там, где горела земля, кружили боевые вертолёты, где в нём нуждалась Советская Родина, куда посылал его воинский дог, где могла пролиться или уже текла кровь... Он был в мёрзлых казармах, где вповалку спали измотанные марш-броском солдаты, где стонали раненые, где крепко пахло табаком, потом, оружейным маслом, и ременной кожей, где на крючьях висели бронежилеты, автоматы и каски. Или шёл с бригадой ВДВ на выручку роте, которая на горном перевале держала круговую оборону и отбивала атаки многократно превосходившего по численности врага...

...Он слушал её и думал, какая сила их разлучала все эти долгие годы. Выклёвывала его из семьи, бросала на огненные окраины гибнущего Союза, в горы, пустыни, в ревущие водовороты бунтующих толп. Тот выстрел в пёстрой орущей толпе у ереванского аэропорта, острая

боль в плече, армянин с автоматом наперевес, и капитан Большаков, что сильным рывком втащил его окровавленного, на дырявленное пулями сиденье, рванул, наудачу, разрезая толпу... Она в это время лежала в ночи и слушала, как трещит, стонет, распадается мир, а он в палатке, под капельницей, был частью сего распадающегося мира.

«Бисмилах... Мы, похоже, действительно все походили с ума... в этом безумном бушующем мире»...

– Ты мой! Только мой!.. – она судорожно перехватила его руку и прижала к своей сырой тёплой щеке.

– Твой, твой... Успокойся, любимая. – Он присел рядом, обнял её безутешную, утёр платком слёзы.

– Неужели ты не понимаешь, что я стараюсь делать всё возможное? – мягко спросила она дрожащим голосом. – Так устроен мир: трудно, любимый, но нужно держаться... Нужно стараться делать всё, чтобы сохранить нашу семью. Всё, что в моих и твоих силах...

Неожиданно он поцеловал её руки и сказал:

– Люблю тебя! Бог свидетель, как я люблю тебя и дочек наших, Надю и Олю, и наших внуков.

– Прости, что я так и не смогла... родить тебе сына. Знаю, ты всегда мечтал о нём... Но, видно... – Вера уткнулась в его грудь. Магомед почувствовал, что она плачет.

– Будет, будет, родная. Хо! Что опять выдумала? Тебе бы книги писать с твоим-то воображением. – Он по-орлиному клюнул её губами в переносье, потом в лоб.

– Что ты «больше не можешь»? – она не отрывала от него своих настороженных фиалковых глаз. – Что?

– Не могу, когда всякая погань... шайтановское отродье... нашу Родину убивает. Не могу сказать «да» всему этому! Не могу представить, поверить не могу, что нет уже больше Объединённых вооружённых сил государств – участников Варшавского договора! Что нет ГДР... и её Национальной Народной Армии... Что на карте мира нет уже тех границ, которые были ещё недавно, до развала СССР, которые мы все охраняли, если надо ценой своей жизни. Просто не могу... В голове не укладывается... – Его голос сорвался. Он высвободил руку и встал, повернувшись лицом к окну. – Это грешно, нечестиво! Это всё против нашего трудового народа... Вот, что я знаю.

– Прости, – она хотела повторить – «Мне страшно за тебя, за себя. За всех нас». Но промолчала.

Он повёл плечом, услышав, что Вера поднялась с кресла.

– Это, ты, меня прости. – Он распустил тугой узел галстука. Расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке, глядя в её глаза. – Всё будет, как будет. Ты моя Вера в жизни и ты мой самый надёжный тыл.

– Ужинать будешь? – она застыла на миг.

– Нет, поздно уже.

– А чай с печеньем? – Вера тепло улыбнулась.

– «Чай», хм... Пожалуй, с лимоном. Погоди, ты ж хотела... что-то сказать, нет?

– Ах, да! Хорошо напомнил. Расул звонил. Караван приветов от всех передал... О твоём здоровье расспрашивал...

– Расул? Э-э... хорошая новость! Он в Москве?

– Нет, в Махачкале. Завтра в Тбилиси едет... на форум кавказских языков, кажется... А потом в Москву. Сказал, что ещё перезвонит.

– Баркалла. Вассалам, вакалам, ч!ужу.

Глава 5

Вера ушла. Он подошёл к платяному шкафу – поменял рубаху на длинный махровый халат, задержал взгляд на внутреннем зеркале, на котором дрожала бледная, водянистая радуга. На него смотрел высокий, подтянутый старик в белом халате. Смуглое, сухое, с запавшими щеками лицо. Широкий упрямый рот. Две резкие складки, сбегаящие к жестко очерченному подбородку, на котором светлел узкий рубец. Высокий перечёркнутый линиями морщин лоб, под которым, не мигая, по-орлиному хищно и отчуждённо смотрели чёрно-карие глаза. По-военному коротко стриженные, крепко поредевшие волосы цвета тусклого серебра. Перед тем, как закрыть ореховую створку шкафа, он ещё раз посмотрел на своё отражение. Измождённое, отчаявшееся лицо, будто покрытое ржавой окалиной, с усталым, затравленным взглядом. Оно было запаяно в зеркало, как в льдину, и вокруг него чуть мерцали пузырьки застывшего воздуха, рябь замерзшего, залетевшего в льдину ветра.

– Старый грецкий орех... – он криво усмехнулся. И вдруг остро вспомнил, точно бесшумный взрыв света, расколол мутное зеркало. Сквозь брызги льда глянуло счастливое, трепещущее свежестью, надеждой и оптимизмом, послевоенное время. Он, молодой красавец, фронтовик, полковник – вся грудь в орденах и медалях. На руках у него маленькая дочь Надюша, – тянется к его наградам, на которых весело и ясно играет майское солнце.

– Ишь какой важный папка у тебя, дочка! Цельный генерал! – весело подмигивает ей безногий, на каталке чистильщик, плюёт на косматые щётки и приговаривает: – А мне чо, мне чо... Эх, ма-а...Щас в пять секунд надраим твоёному батьке сапоги в лучшем виде, хоть на парад!

Ловко, как жонглёр шариками, огуливает щётками хромывые мысы-голенница, носки-запятники...Шик-шик, шак-шак, красота! А сам продолжает допрос с пристрастием:

– А мне чо, ничо! Так, интересно стало...Как же, ягодка твоёнова папку-героя звать. Случаем не из цыган будет?

– сам ты «цыган»! Он командир Красной Армии. А звать его Миша.

– У-ух ты, прошу второй сапожок, дядя Миша! Опля, добро, командир. А из какого лесу твой «Миша»? – подмигивает безногий и снова: шик-шик, шак-шак.

– И вовсе он ни из «лесу»! – надувает губки Надюшка и грозит розовым пальчиком чистильщику. – Мой папка-герой с фронта вернулся... Всех фрицев побил...взял Берлин и вернулся. Ты ври да не завирайся, «чо-ничо»... 9 мая врать ни-зя, друг дружку поздравлять надо!

– Ишь боевая какая, вся в батеньку дочка! Тоже подишь-то полком командовать будет. Опля! Шик блеск-красота...Сапоги-зеркала, смотреть можно. Готово, командир. Мне чо, мне ничо...Двугривенный с вас. С праздничком!

Они с Верой смеялись от души, потом ели мороженное, потом гуляли в горсаду, ели шашлык, пили кубанское виноградное, а потом, встретившись с друзьями-однополчанами, дружно пошли глазеть на праздничный салют Победы!

Вспышка так же внезапно погасла. На него снова смотрело измождённое лицо, с угрюмым, словно присыпанным пеплом взглядом.

Ближайшие дни он планировал посвятить встречам и поискам. Выброшенный из профессии, отторгнутый от армии, даже в качестве военного эксперта-консультанта, он настойчиво искал себе применения. Вынужденно покинув театры военных действий, оставив после себя рваные кромки растерзанной и умерщвлённой страны, он судорожно искал места в жизни. Понимал: полит-борьба и политика в целом – это искусство возможного. Кто-то стены башни яйцами пробить пытался...Кто-то плетью обух перешибить... Но и то, что под лежащий камень вода не течёт – он тоже хорошо знал. А между тем, у него был огромный опыт военачальника

Вооружённых сил страны, с которой ещё недавно считался весь мир. Он был не простой генерал, а генерал от войны, который прошёл всю Отечественную. Таких закалённых на той Великой войне к 90-м годам генералов осталось мало. В когорту генералитета он, горец из Дагестана вошёл, когда стал первым заместителем командующего воздушно-десантных войск СССР. И сделал очень многое, чтобы превратить эти войска в один из решающих, элитных родов Вооружённых сил Родины. Был у него и фронтовой опыт разведчика. И опыт аналитика-знатока агентурной работы. Опят офицера, военного человека, добывавшего информацию среди горящих кишлаков, заминированных ущелий, красных-белых песков пустыни.

Нынешняя Москва для него была огромным заминированным ущельем, душной пустыней, новым Сталинградом. И он жаждал применить весь опыт, знания, если угодно отдать свою жизнь ради спасения поставленной на колени, разграбленной и униженной страны. Нет! С этим опытом он не отправится в Генеральный штаб, где сидят лишённые армии продажные бездельники-генералы, вороватые и трусливые, сломленные в бесчисленных предательствах, купленные и запуганные. Нет! Он не пойдёт к жирным котам-банкирам, к президентам фондов и фирм, окружающих себя кольцом безопасности, формирующим личные разведки и армии. Не пойдёт и в услужение к победителям, покорившим его Красную Державу, в чьих еврейских, бегающих глазах не угасает ласковый огонёк предательства и вероломства.

Он, лишённый страны и армии, как разведчик в глубоком тылу, будет искать себе подобных, не сломленных, не сжёгших свои партбилеты, не бросивших оружие в болото, не сорвавших погоны, не зарывших ордена. Пойдёт к оппозиции, к её вождям, и предложит свой боевой опыт. Опят генерал-полковника, опыт экс-командующего Северной группы войск, любящего свою поруганную, несчастную Родину.

Он вдумчиво готовился к выходу в город, как чётки, перебирая поимённо известных оппозиционных политиков. Планировал разговор в самых деликатных подробностях. А как иначе? Ведь известно: дьявол кроется в мелочах. Мир, как змей, меняет кожу...И чтобы эффективно бороться с ним, надо ему соответствовать.

У него оставалось время, и он решил использовать его для осмотра и смазки оружия. Достал из кобуры пистолет. Выложил на письменный стол маслёнку, шомпол, чистую тряпку. Стал разбирать оружие на воронённые, тускло мерцающие элементы. Уверенно-чётко закапывал масло в резные сочленения и скважины.

В его оружейном сейфе было несколько пистолетов, разных систем и калибров, отечественных и зарубежных: трофейные, подарочные, наградные. Но именно этот командирский «ТТ» – был единственной ценностью, которую он когда-то привёз с Великой Отечественной. Единственным фетишем, который сберёг среди разгромленных городов, спалённых деревень и селений, переполненных моргов и стонущих лазаретов. Был памятью, оставался оружием, верным другом.

...Он поднял этот «ТТ» с бездыханного окровавленного тела своего русского побратима комбата Воронова, убитого в 43-м на Курской дуге. Его батальон, среди прочих боевых подразделений 100-й дивизии, под началом генерала Ф.И.Перхоровича, защищал важную высоту, овладеть которой с фанатичной яростью жаждали фашисты.

* * *

Много лет спустя оценку боевых действий 100-й дивизии в обороне на Курской дуге дал Маршал Советского Союза И.С.Москаленко.⁶

«В те дни <...>, враг вёл себя крайне дерзко и вызывающе. На оборону Курского выступа фашисты смотрели по-особому. Стремясь вернуть утраченную инициативу, они пытались добиться перелома, во что бы то ни стало взять реванш за Сталинград и изменить ход ведения

⁶ В 1943 г. 100-я дивизия (в которой служил М.Т. Танкаев) вновь перешла в подчинение 40-й армии, командующим которой был генерал-лейтенант К.С. Москаленко; (позже Маршал Сов. Союза).

войны. Берлин заранее начал подготовку к летнему наступлению 1943 года. Было развёрнуто небывалое массовое производство тяжёлых танков Т-V «пантера» и Т-VI «тигр», самоходных дальнобойных орудий «Фердинанд», имевших мощную броню 150 мм. Третий Рейх вёл широкую пропаганду, рекламируя превосходство и неуязвимость их новой боевой техники и орудия. <...>

По расположениям нашей и соседней дивизий неприятельская группа армий «Юг» наносила удар с направления севернее Харькова на Обоянь. О тщательности подготовки противника можно было судить по составу и плотности его войск: 40 танков и самоходных орудий наступали на 1-м километре фронта. Если построить те танки и самоходно-артиллерийские установки в одну линию, то получалось, что через каждые 25 метров шли на нашу оборону танк или самоходное орудие врага. На фронте 27 километров прорыва врага действовало около 980 вражеских самолётов. <...>

То и дело гитлеровцы предпринимали попытки захватить ту или иную облюбованную ими позицию. Чтобы дать представление об ожесточённом характере вспыхивающих в связи с этим боёв, приведу только один пример.

В полосе 100-й стрелковой дивизии генерала Ф.И.Перхоровича находилась важная высота, овладеть которой и решили фашисты. <...>

...Дорого обошлась противнику попытка овладеть высотой. После кровопролитного иступлённого боя наши наблюдатели при помощи стереотрубы насчитали на кладбище врага пору сотен новых крестов. Урок не прошёл для фашистов даром: попытки захватить высоту больше не предпринимались.

Высота стала символом несокрушимой мощи нашей обороны накануне «битвы машин» на Огненной дуге и несокрушимости духа, а майор А.И. Воронов – вечным солдатом 100-й дивизии».

* * *

Комбат Воронов бился со своими бойцами с превосходившим противником. Его истекающий кровью батальон таял, как снег под солнцем, но держал высоту, а по ним со всех сторон, со всех застав, артбатарея, из наступавших самоходок и танков гвоздили из пулемётов и автоматов. Было видно, как осколки снарядов разносят на куски советских бойцов, как входят в комбата горячие очереди. Набитый пулями, он рухнул на своих погибших ребят. Лежал среди присыпанных обугленной землёй тел, оторванных ног-руг, и голов, расколотых касок – исстрелянный, с красным-слипшимся узлом волос на лбу – комбат 100-й дивизии, погибший на Красной дуге, где насмерть сражались верные сыны нашей Родины с тёмными силами мирового Зла, с проклятой нацистской ордой.

К убитому красному командиру сбегались штурмовики Вермахта, оскаленные-злые, как цепные псы, готовые терзать и уродовать штык-ножами бездыханное тело. Подполковник Танкаев, со своими бойцами отбил майора, погрузил в кузов грузовика. Кстати по ухабам, объезжая воронки под перекрёстным пулемётным огнём. Красный липкий чуб, болтался-скакал по грязным, пропитанным соляжкой и кровью щербатым доскам. Танкаев насилу вывернул из сцепленных пальцев побратима «ТТ», сунул себе за ремень.

* * *

...теперь он чистил этот пистолет, сидя за письменным столом своего кабинета, выложив на белую тряпицу вороние детали. Ревностно колдуя над ними, он вспомнил 91-й год, когда в Беловежье, запёршись в бане, в тайне от народа, три пьяных палача-предателя: Шушкевич, Кравчук и Ельцин, устроили глобальный сговор, подписали смертный приговор СССР.

...Весть о гибели Великой страны, о крушении всех и вся коммунистических-ленинских-сталинских идеалов, осознанный преступный развал Советской Армии, – была такой же страшной, как мысль о смерти своих родных. Он не мог рыдать, не мог криком выразить свою душевную боль-отчаянье. Спазмы ярости, равно и крик, зарождались словно донные пузыри,

двигались наверх, но не достигали стиснутых зубов, не воплощались ни в рык, ни в стон, а тяжёлыми булыгами падали на дно иступлённой, треснутой души.

Тогда же у него возникла безумная, дикая мысль. Чтобы раз и навсегда прервать непосильные страдания, скрыться от них, он вытащит пистолет и пустит себе пулю в висок. Достоинно и храбро, как офицер проигравший сражение... Но не потерявший чести.

Впрочем, эта мысль была им вскоре отвергнута. Зато другая, ещё более дикая, звериная, до тряски захватила его целиком. Он снова увидел перед собой больного Ельцина, совершившего смертельный грех против своего народа. Человека, к которому испытывал тяжёлую жаркую ненависть. От которого всегда, даже через экран телевизора, даже через кремлёвскую стену тянуло тяжёлым-мутным водосточным духом, исходила угроза, веяло тупой сосредоточенностью, готовой проявиться в очередном разрушении. Право дело... Беспальный, вечно в подпитом состоянии Ельцин, сам виделся разрушенным, но и готовым в пьяном угаре продолжать ужасные фатальные разрушения в стране. Казалось, он взорван изнутри, но, как ядерный реактор продолжал устойчиво нести в себе возможности новых чудовищных взрывов.

Вот тут-то генералом Танкаевым и овладела звериная страсть убить этого бесполезного-меченного терминатора, носителя зла и слепой кабаньей ярости. Хорошо подготовиться, грамотно выждать удобный момент и нажать воронённый спусковой крючок, чтобы ненависть немигающего зрачка, неумолимое давление пальца превратилось в стремительную траекторию пули, и она вошла в мясистую складку лба злобного секача, прошибла, торкнула покрытую седыми волосами голову, и чёрная дурная кровь, хлюстнула в лица сопровождения, а серая слякоть мозга мазнула по строгому граниту ступеней.

Но и эта вздорная мысль была им отвергнута. Он щёлкнул зубами, как волк на тропе войны, и ледяная луна узрела в ночи его оскал, он улыбнулся белозубо, свирепо и тонко. Нет, он не пустит себе пулю в висок. Не пойдёт в безумную атаку на Кремль, на пулемёты врага. Он будет искать скрытые оппозиционные силы в России. Их много, вероломно обманутых, подло преданных, цинично обречённых на голод и смерть чубайсо-гайдаровской сворой. Невероятно много... И если силы их сцементировать!.. Он, продолжит дело генерала Рохлина. Военно-гражданское кредо и рвение которого он, генерал-полковник Танкаев, совмещал с неподдельной отвагой товарища по оружию. Чего стоил лишь им организованный I съезд ДПА в поддержку Армии! Энергия, сила, самоотверженность генерала Рохлина, стали стремительно, как снежный ком, собирать вокруг него известных и весьма влиятельных людей от оппозиции. На I-м съезде собрался полный зал – 3 тыс. человек, мест не хватало! Там были представители всех регионов страны. Там выступали вожди фракций и партий Зюганов и Жириновский, Лимонов и генерал Макашов, Началов, генерал Тарасов, Баркашов и многие другие патриоты России, туда пришли ВСЕ. Лев Рохлин ставил конкретную задачу, которую по-военному ясно и чётко озвучил на съезде: «Отстранение президента Ельцина от ВЛАСТИ»... И ситуация сложилась так, что его словам поверила, но более панически испугалась преступная власть в Кремле. Его принципиальная позиция вечного противостояния с Ельциным и его криминальным окружением, что говорить... Конечно, была смертельно опасной. Итог – подлое убийство спецслужбами опального генерала. «И если причины загадочной гибели храброго генерала... А их, конечно, надо искать и найти!.. То их все, – по убеждению Танкаева, можно было свести к одному зловещему высказыванию Ельцина: «Рохлиных сметём!» Да, генерал-лейтенант Лев Рохлин был определённо опасен для президента Российской Федерации и его кодлы вурдалаков-непопырей, угнездившихся за высокой стеной Кремля.

Мужество и убеждённость в своей правоте Льва Рохлина, восхищали и вдохновляли генерала Танкаева. Он почти полностью разделял его тактику и стратегию. «И если мы соорганизуемся НАРОД и АРМИЯ в единый нерушимый фронт!.. – потрясал кулаком Рохлин. – То несомненно свернём шею подлым предателям. Спасибо Вам товарищи, за поддержку! Что несмотря ни на что, вы готовы пойти за мной в огонь и в воду!»

Как боевой, опытный генерал, Рохлин понимал другое: «Промедление смерти подобно! Время уходит, товарищи! Вопрос с предателями в Кремле надо решать немедленно, без проволочек. Нельзя давать окрепнуть и окопаться во власти врагу! Это я заявляю совершенно ответственно, как военный человек. Как лидер движения ДПА».

После его смерти, разговоры, что Рохлин готовил переворот, призывая однополчан из Волгограда и шахтёрскую армию Национального спасения – брать штурмом Кремль, переросли в гимн политической оппозиции. Имя Льва Рохлина стало символом борьбы с антинародным режимом Бориса Ельцина. Тут же вспомнили, что лишь два действующих генерала имели опыт ведения боевых действий в условиях города: Рохлин и Романов. Генерал Романов до сих пор находится в коме.

Кто знает? Действительно ли Рохлин планировал выводить на улицы столицы войска, среди которых по заслугам пользовался высоким авторитетом. Депутат Рохлин просто не мог остановиться. На незнакомой ему зыбкой, обманчивой политической арене в последние месяцы он действовал сугубо по-военному грубо, в лоб, боясь не оправдать доверие и надежды тех, кто готов был пойти за ним на смерть. «Рохлин сам себе вырыл окоп и прочертил политическую линию фронта»... – жалили злые языки. – Известно: солдафон в политике, что слон в посудной лавке». «Быть может, господа, вояка, сам того не желал?» «Тупой сапог...» «Сам отрезал себе путь к отступлению. Не имея при этом крепкого тыла». «И в этом была его смертельная тактическая ошибка».

Что ж, с этим последним доводом, генерал Танкаев готов был согласиться, но только с последним.

Выступая с трибуны, Рохлин открыто говорил: «Врагами в Кремле планируется организовать, как бы пьяную драку с участием Рохлина... Главная задача выставить генерала пьяницей-дебоширом. <...> Как крайний случай, если не сработает ни один из выше перечисленных вариантов, не исключается физическое устранение или нанесение травм несовместимых с жизнью».

Ему постоянно угрожали, прослушивали телефон, призывали одуматься. Он определённо не знал «кто?» Зато определённо знал – на него готовится покушение. Знал, что убьют. Но данного им офицерского слова, как и воинскую присягу, нарушить не мог.

«Нигде не поощряется: коррупция, казнокрадство, мошенничество, воровство, предательство своего народа и беспредел, который творится сейчас в России. А потому цель военных... остановить это, привести к порядку страну!» – было одно из последних его выступлений.

Сколько можно прожить в нечеловеческом напряжении, в страхе, на оголённых нервах, чувствуя опасность и, выслушивая угрозы?.. Увы, жизнь загоняла Рохлина в тупик, и по нему это было видно. Под давлением Кремля стало меняться среди депутатов-коллег к нему отношение; им играли спецслужбы, направляя туда, куда было выгодно. Он всячески старался поправить ситуацию, но она уже развивалась сама собой и собственные действия не всегда сочетались с тем, что он считал правильным. Он умер нелепо: с одной стороны от пули, как воин, с другой стороны во сне... Нелепость и нелогичность всего, что происходило с ним в последнее время, стало очевидным во время в день его похорон. Все хоронили непримиримого борца с режимом, а был убит человек – большой и сильный, сложный и простой одновременно.

У генерал-полковника Танкаева по сему поводу было своё особое мнение. Убит воин. Прекрасный человек. Патриот своего Отечества, присягавший на верность Родине ещё в бытность Советского Союза, который дал ему счастливое детство, возможность бесплатно выучиться, проявить себя на службе, поступить и закончить Военную академию Генерального штаба Вооружённых сил СССР и стать генералом.

«Вай-ме! Храбрец умирает один раз, трус – тысячу. Молодэц Рохлин! Настоящий Лев! Генерал! Ты не зря прожил жизнь. Пусть короткую, но блестящую! Вода уходит, камни остаются. Народ не забудет тебя! Аминь!»

Глава 6

Танкаев мрачно усмехнулся... Ясно, как день, было и то, что Тамара Павловна, жена генерала Рохлина, не причастна к убийству мужа! Надо быть конченным ишаком, чтобы поверить в эту официальную бездарную версию следствия.

Уф Алла... У него, как и покойного генерала Рохлина, ровным счётом не было нажать ничего. Ни чемоданов наворованных денег, ни валютных счетов в иностранных банках, ни построенных солдатами-срочниками каменных палат, ни двухэтажного гаража с престижными иномарками, ни белоснежных многомиллионных яхт, ни дворцов за бугром, на золотом берегу лазурного моря...

Прикрыв глаза, он словно всматривался в себя, как инженер в деталь, мысленно помещая её в неведомую машину. Извлекал, снова вкладывал. Примерял к титановому гнезду, к резьбе, к невидимым шарнирам и сопряжениям. Снова анализировал, взвешивал всё «рго» и «contra», и терпеливо ждал. Позволял себе обращаться с собой, как с запчастью. И приходил к заключению: что, по сути, он и был запчасть – одинокий генерал-полковник запаса, готовый предложить себя дееспособной организации патриотов.

Он вопреки всему продолжит дело Рохлина, продолжит собирать народный фронт, возглавит «Союз офицеров» уволенных в запас, а по существу – брошенных на произвол судьбы, на обочину... Пусть с опозданием, лучше позже, чем никогда. Цену света во тьме узнают. На дне выдержки оседает золото.

Что ж, ему, Танкаеву, не привыкать! Он будет драться с 5-й колонной, с внутренним, могущественным врагом до Победы. Он вновь будет генералом действия, эффективным и продуктивным, и принудит зарвавшуюся власть заниматься вопросами и по Чечне и по оборонному комплексу страны! По всем тем судьбоносным вопросам, которые уже давно, в полный рост, стоят перед растерзанной Россией, и которые в правительстве иуды Ельцина, хоть убей никто не желал решать из «генеральной когорты» амбициозных и шустрых ловчил младореформаторов.

«Как думаешь, хватит у тебя сил на это архитрудное, смертельно опасное дело? – тихо задал вопрос внутренний голос. – Сможешь, если понадобится наладить связи с командующими в военных округах, на флотах, в Главуправлении, в Минобороны, тебе это под силу?»

И сам ответил себе:

«У меня остались младшие товарищи, мои выпускники в частях, в Генеральном штабе, в Министерстве обороны. Немало людей в Управлении внешней разведки. Некоторые служат в Казахстане, в Армении, Азербайджане, в Грузии, в Приднестровье. При необходимости такие связи могут быть восстановлены». Ответил и быстролётной мыслью понёсся по всем пространствам, где служили его выпускники, армейские сотоварищи. Мыкали горе на проклятых междоусобных войнах, тоскуя, спиваясь, сходя с ума, кляня мерзавцев, разоривших страну и армию. Но хватало таких, кто безбедно служил в Москве, вкусно ел – сладко спал, бил баклуши в сахарно-белом здании на Арбате, в шоколадно-жёлтой громадине на Лубянке. Или перебрался в посольства-консульства и вполсилы имитировал службу подальше от продажной, бандитской Москвы.

«Что тобой движет, если ты уверен, что тебя убьют, как Рохлина, как других, кто осмелился встать на пути Власти? – снова клюнул вопросом внутренний голос. – Что заставляет действовать, если знаешь, что разгромят?»

Магомед долгим взглядом смотрел на воронёные детали разобранного пистолета, ноздри его широко раздувались.

«Когда в Отечественную немцы окружали дивизию в лесах и болотах, начинали сжимать кольцо, бомбить авиацией, расстреливать артиллерией, одни истошно кричали: «Это конец!»

Нас разгромили!! Идём сдаваться!», – бросали оружие, бежали сдаваться и их, безоружных, как скот, убивали... Другие исступлённо твердили: «Нас разгромили, всё безнадежно, поэтому будем биться до последнего!», сражались, умирали, но некоторые прорывали окружение и выходили к своим... Как показала жизнь, я принадлежу к последним. Действую, будто, меня уже кончили... Но это делает меня бесстрашным! И теперь, моя задача продемонстрировать обманутым, обездоленным людям бесстрашие, вернуть надежду, уверенность, веру в себя! «Вы развалили нашу страну, уничтожили боеспособность нашей армии, – но мы вырвали чеку у гранаты и идём в полный рост! Мы вашу сучью свору ещё посадим жопой на трудовой черен лопаты... Наше дело правое... Победа будет за нами!»

Он жарко дышал, улыбался длинной хищной улыбкой. Его тёмно-копчяные горячие глаза знакомо золотились звериными точками.

«Валла-ги! Вижу впереди большие испытания! Непомерные траты и жертвы... Видно, рано мы на стены повесили отцовские шашки и прибрали в шкафы будёновки. Знаю: Будет несчастье, будут аресты, казни и пытки... Будет большая кровь! Здесь, в Москве, у наших очагов и порогов! По всей стране будет! Но мы, верные сыны Родины, дали обет бесстрашия. И не прогнёмся по эту сволочь! Всем, кто в час беды не сдался, не пал перед врагом на колени, не пошёл в услужение, в унижительный плен – слава! Грядёт пора новых героев! Их кровью и жертвой жива будет вся Россия!»

Он закончил свой внутренний монолог. Сидел недвижимо, словно прислушивался к самому себе. Точно последний солдат великой разгромленной армии. Не сдавшийся, уцелевший воин. Не в силах покинуть жуткое поле боя, кое было усеяно сотнями тысяч неподвижных тел. Над которыми кружило чёрными тучами хрипатое, жирное вороньё. И огромный красный венок вечерней зари траурно пламенел в лиловом чугуне бескрайней тьмы.

... Выдохнул из лёгких застрявший ком воздуха, снова принялся чистить оружие. Янтарная капля масла потекла сквозь ствол, скопилась у дула, капнула на белую тряпку. И пока она летела, ударялась о ткань, впитывалась в волокна, генерал подумал: он гололобый сорванец, рискуя жизнью, на спор, карабкается за орлиным пером по отвесной стене скалы, пишет в тетради круглыми буквами «мы не рабы, рабы не мы». И он же, почти седой старик, шуря угрюмый глаз, чистит оружие. Золотистая капля ружейного масла сорвалась с нарезного ствола, пролетела сквозь целую жизнь.

Он собрал пистолет, сунул его в ящик стола, закрыл на ключ и потянулся за сигаретами, когда за спиной вкрадчиво звякнул фаянс.

– Твой чай, дорогой, с лимоном, как заказывал. – Вера, как кошка, бесшумно прошла в мягких тапках к столу. – Ты, выпил таблетки, которые прописал доктор?

– Что? – весь в своих мыслях, он непонимающе посмотрел на неё.

– Лекарство говорю, принял? – она аккуратно поставила перед ним чашку и блюдо с печеньем.

– Да, да... Что ты меня уже пятый раз спрашиваешь об этом!

– Что «да»? Когда «нет»? И не «пятый», а второй. Вот же твоё лекарство лежит у настольной лампы. Миша, не нервируй меня! Давай, давай, мой хороший, обязательно выпей. – Вера, не спуская с него стерегущих глаз, дождалась когда он покончит с лекарством, потом спросила:

– Спать где будешь, здесь? Или...

– Ещё не решил. – Он хрустнул суставами пальцев.

– Если надумаешь здесь... подушка и плед в шкафу, там же простыня. Хочешь, постелю?

– Разберусь. – Он накиннул на нос очки, взял газету.

– Ну тогда я пошла. Целую. – Она подхватила со стола пустую конфетницу с чайной ложкой на дне, как подхватывают кастрюльку с убегающим молоком, бросила на прощанье. – Я спать.

Прошу, не засиживайся допоздна. Дай организму отдых. Погляди, на кого ты похож стал... Загнал себя, кожа да кости. Узды на тебя нет.

Вера ушла, прикрыла дверь. А он, отыскав пульт, включил телевизор. И тотчас телеведущий Николай Сванидзе, похожий не то на небритого беса, не то на плешивого козла, желчный ненавидящий положительно всё советское, презирающий всё русское, народное, восхваляющий лишь западный мир и придворную брыластую стаю рецидивного алкаша Ельцина, бодро с демократическим задором кивнул Танкаеву с голубого экрана.

Его навывкате глаза, рыжие и лучистые с дьявольскими зелёными зрачками, брызгали весёлой, ядовитой ненавистью из-за ледяных стекляшек очков, а беспокойные пальцы, покрытые чёрными волосками, бегали, бегали по столу паучьей побежкой туда-сюда, выдавая его нетерпение, вновь пуститься в словесный пропагандистский бой за умы миллионов, за промывку мозгов будущего демократического электората. Секунда, другая... И он, словно гончая сука, добравшись до микрофона, брызгая слюной, громогласно продолжи гавкать-втюхивать телезрителям: о космическом размахе невинных жертв, репрессиях 30-х годов и прочих ужасах творимых против своего народа главным Злодеем XX века – усатым людоедом Иосифом Сталиным.

Ярый русофоб и юдофил в одном флаконе, словно заученную мантру, твердил о чудовищных преступлениях великого Тирана всех времён и народов... Физически ненавидя Сталина, он всячески подвергая сомнениям Его гений державника, политика и стратега планетарного масштаба, Его потрясающее индустриальное наследие, кое Он оставил после себя Советскому Союзу. Язвительно передразнивал Великого вождя, кривил уродливо рот, пытался пародировать неторопливую, весомую речь, по-горски цокал языком, театрально пучил свои продажные, бесстыжие глаза... Лживо изображал недалёкого усатого самодура из Гори, застёгнутого в генералисимусский мундир, важно курящего трубку в своём кабинете, среди запуганных, тупых, сосредоточенных командармов, под грохот фронтовой канонады. Получалось... отвратительно.

Но одержимый Сванидзе, похоже, потерял нюх, не чуял своего холуйского ничтожества. Напротив, сознавая за собой силу и власть заокеанских хозяев, бесновато, чуть ли не с пеной у рта, продолжал скалить кривые зубы, грязно-изощрённо глумиться над оппозицией, над всем историческим прошлым своего Отечества, которое, между тем, взрастило его, дало ему прекрасное образование и путёвку в жизнь. Как недоносков поносил её лидеров-патриотов; из кожи вон – отработывал свои валютные гонорары – злорадно демонстрировал махровый цинизм и сознательную жестокость.

– Ну к каким фигам собачьим коммунисты продолжают свой рот разевать и царапаться во власть?! Все они к счастью сбитые лётчики, как бы это помягче сказать патриоты проигранного дела... Но по сути сторонники сталинского ГУЛАГа. Я вас умоляю, мои драгоценные! – он живо оглядывал гостей в своей студии, наигранно улыбался и одновременно настойчивыми кивками и взмахами рук призывал всех к вниманию. – Но вот если бы тогда, эти комуняки победили... Что? Да, конечно, я имею ввиду пути 93-го... – ведущий хищно оскалился. – Уверяю! Мы все бы были повешены на ближайших фонарях. Я даже на секунду в этом не сомневаюсь... Но Борис Николаевич вновь проявил невероятное великодушие и мудрость государственного деятеля. Отца нации! Помиловал кровавых бунтовщиков и непримиримых врагов новой России! Вот, что такое на деле – настоящая, исконная европейская демократия, которой отродясь не было в азиатской России, и которая наконец-то победила в тоталитарной и деспотической Империи Зла! Ваши аплодисменты, друзья!

Когда эмоциональные выкрики-аплодисменты стали стихать, Сванидзе живо поднялся из кресла. На правах мэтра-телеведущего громко хлопнул в ладоши, привлекая внимание аудитории, и с торжествующими нотами произнёс:

– А теперь вернёмся к нашим баранам, дамы и господа. Дело прошлое... Но, как говорится большое видится на расстоянии. И всё-таки, всё-таки, я призываю вас вернуться к судьбоносным событиям 93-го года. Да, в тот роковой для молодой демократии злосчастный год. Вы все, не хуже меня, помните: тяжелейшее противостояние нашего нестигаемого президента Бориса Николаевича Ельцина с Хасбулатовым и Руцким, а также с Верховным Советом тогда... достигло кульминационной точки накала! Этот гордиев узел следовало рубить... И он был рублен одним ударом! Этот выбор был нелёгким, опасным, рискованным. Президент надеялся на нашу поддержку... Мы же знаем, как Борис Николаевич высоко ценит общение с интеллигенцией. Сколь плодотворно это общение с обеих сторон! Чего только стоит практикуемый нами современный метод «мозговой атаки» наших заокеанских партнёров! Так вот, президентский удар! Все службы в те дни готовили юридическое, силовое, информационное обеспечение этого удара. И сейчас, спустя годы, мы должны высказать откровенные суждения по этому драматическому поводу. Не надо ложной скромности, друзья, используйте необъятную, как океан, мощь телевидения! Мы, конечно ещё «не волшебники, только учимся», – Сванидзе слегка капризничал и кривлялся. Кокетничал, щёлкал каблуками дорогих туфель. Его носатое пучеглазое лицо нестареющего комсомольского вожака, маслено сияло лицемерием и подобострастием перед сильными-знаменитыми мира сего, что собрались в его дорогой, респектабельной студии. – Уверяю вас, господа, всего десять часов эфирного времени и мы любого «чегевару», любого «гиганта мысли» закатаем в ковёр позора... Да, да... люди будут плевать при одном их имени, будьте уверены... Новые американские технологии!

Николай Сванидзе придержал собак, замолчал. Но между строк отчётливо слышалось: «А если надо-их законопатят в тюрьму или оторвут голову: А хотите, мы из них сделаем овощи, корнеплоды, идиотов? Или разбойников и злодеев с большой дороги, мм? Хотите, фашистов, наследников Муссолини и Гитлера? Легко! Нам, свободным, демократическим СМИ и Массмедиа, сегодня это решительно по силам. Перефразируя Черчилля скажу»: Думаю, история к эре Ельцина будет благосклонна, потому что пишут её за него не только мудрые олигархи России, но и Госдеп США. А он, как известно, ошибок не допускает.

Сванидзе обвёл всех жгучими, дрожащими от нетерпения глазами, излучавшими зеленоватый свет, как угольки в угарной печи. И Танкаев, сидя в кресле, в своей квартире почувствовал кружение головы и удушье, словно и впрямь угорел.

– Начнём с вас, прошу сударыня! – ведущий с подчёркнутым почтением обратился к вдове академика Сахарова, правозащитнице Елене Боннер, которая ревниво ожидала этого первого приглашения, нервно чадила длинной сигаретой.

– Белый дом, чёрный дым... Рискованный штурм нашими мальчиками этого гнездилища сталинских выкорышек. Правильно, что Борис Николаевич приказал Грачёву расстреливать его из танков... Волевой человек! Стенобитная машина российской демократии. Колосс Родосский... Браво!

– Но там же были люди... – умело подлил масла в огонь Сванидзе.

– Люди?! – злобная старуха подавилась дымом и обрушила на ведущего праведные грозды гнева. – Этих двух красных гадин, Руцкова и Хасбулатова, нужно было не миловать, а убить!

– А как же мораторий на смутную казнь, Елена Григорьевна? Европа нас не...

– Как убивают клопов, тараканов и прочую мерзость! Что бы вытек сок, и конец! Я просила... Нет, – требовала у президента, чтобы он выполнил свой исторический долг, добавил гадину! На том стою и сегодня! Говорю это не только от моего имени, но, поверьте, и от имени Андрея Дмитриевича! Уж извините... не могу вам всего раскрыть, но он оттуда, с неба, обращается к нам и требует: «Раздавите их железным каблуком, разбейте им головы!» И будьте любезны, обеспечьте стопроцентную безопасность интеллигенции, правым силам в

этой несносной стране! Ведь это вульгарное отребье грозиться расправой над нами! Доколе будем терпеть их угрозы? Доколе будем бояться выходить на улицу?!

Она нервно дёрнула рукой с сигаретой, уронила на стол сухой столик пепла. Жадно затянулась синюшными морщинистыми губами, выпуская ядовитую струю дыма. И Магомеду Танкаевичу померещилось, что рука, сжимавшая сигарету, костлявая, в чёрных венах, превратилась на миг в воронью лапу, а серая струя дыма – в печную трубу, направленную в темноту зала. Туда, в притихшие зрительские ряды по этой ведьминской трубе была выпущена ядовитая колдовская сила, достигая невидимой цели. И кто-то уже был неизлечимо ранен, страдал, умирал, обожжённый тлетворным дыханием.

– Bravo! В десятку, Елена Георгиевна! – задрыгав ногами, взвился ведущий. – Грандиозно... Золотые слова! Вы как всегда – зрите в корень! – Его радостное носатое, небритое лицо, – когда Танкаев слегка прищурил глаза, – превратилось в тёмную, дымную прорубь, и из этого пара вдруг высунулась козлиная рогатая морда, сочно чмокнула ртом, оголив влажные десна с частоколом зубов и исчезла. Прорубь смёрзлась и в ней вылепился мясистый нос, лживые глаза, шевелящиеся пиявками губы, трусливо-наглое лицо мелкого злыдня.

И тут началась хазарская свистопляска либерально-демократических бесов. По-первости звучало деликатное хамство, вкрадчивая наглость, вежливое враньё и обходительное предательство. Но затем все маски-намордники были сорваны, и мощный поток русофобских антисоветских помоев затопил все зрительские трибуны. Снова гремели нападки на Сталина, на тоталитарный, репрессивный режим Советского Союза; снова резал слух истеричный, вой по спасению культурных ценностей Запада и прочий картавый грай, пропитанный патологической ненавистью, презрением, злобой ко всему советскому-русскому. От крестьянских лаптей до атомной бомбы. От первого спутника Земли до долгожданного полного краха русского мира! И т.д. и т.п. . .

– Если подобное повторится... И враги демократии достанут оружие, их надо бомбить. Бомбить и точка! – продолжая лукаво улыбаться, потрясал кулаком Константин Боровой. – И мы, гайдаровская гвардия, будем тому порукой.

Его бурно и горячо поддержала Валерия Новгородская. Саркастически улыбаясь щекастым лицом, подтягивая розовую колбаску верхней губы, она язвительно сплёвывала слова, не давая ровным счётом никому себя перебить.

– Я вас умоляю! На решающих переломах борьбы за власть нельзя церемониться. Все способы хороши! Большевики-коммуняки бомбардировали Кремль. Политбюро, будь оно проклято, бомбардировало дворец Амина и даже не поперхнулось. Пиночет бомбардировал резиденцию Альенде. Да-а... были разрушения, были пожары, трупы и кровь, но наградой была ВЛАСТЬ! Спокойно, не хороните моя, я ещё пригожусь. Наш удар властью будет смертельным. Хватит миндальничать! Моё мнение: или пусть это отребье убирается вон или сдохнет под бомбами!

Танкаев понимал, что перед ним были обыкновенные люди, из кожи и костей. Одни из них старые, другие немощные, коим недолго осталось быть на земле. Но одновременно это были и нелюди, обманно натянувшие, как презервативы, на себя людские личины. Этот обман обнаруживался в них внезапно протянутой птичьей лапой, или рыбной чешуёй на лице, или звериной шерстью, или козлиным копытом в туфле. Каждый из них, как уроды Босха: кто из глаз, кто изо рта, кто из отверстия в животе и горячем паху, источал бестелесную энергию, пучками, лучами, волнами, направляя её в объективы телекамер, в огромный мир. Эта губительная энергия ЗЛА уносилась в эфир, в города и села, разлеталась по всей огромной стране, проникала в каждый дом и квартиру, и через экраны телевизоров, через динамики радио, через компьютеры поражала там невидимые цели, парализовала, заражала, мучила, обрекала на жуткие страдания и корчи. Сванидзе деловито расхаживал в голубом пиджаке по студии, мерзко

гримасничал, энергично манипулировал обезьяньими руками, словно вводил поправки в прицелы, уточнял координаты целей.

– Шайтаны...раздвоенные языки, предатели...– кривя губы, едва сдерживаясь, шептал Танкаев, чувствуя дрожащими крыльями ноздрей присутствие этих жалящих энергий. Испытывал каждый раз, как начинали говорить за столом, ожог боли, точно от удара плётки:

– Иай! Злые тушманы...Выпьют вороны ваши глаза! Да засохнет змеиный род ваш!

Глава 7

Он переключил на другой канал. Телезвезда программы «Вести» Светлана Сорокина, сверкала празднично накрашенными глазами и с упоением чихвостила в хвост и в гриву якобы жестокие действия «федералов» в Чечне. Оправдывая свою фамилию, телеведущая как наглая сорока скакала по навозной куче, бойко разгребала, копалась в солдатских вещмешках и грязных окровавленных трупях. Выклёвывала нужные провокационные сцены, просила остановить видеоряд, требовала от приглашённых военных объяснений, комментариев жутких кадров... – Уо-о! Мужчина без усов, как баба с усами. Цх-х! Нашли кому доверить судить о войне! Ты кто такая, хъартай? Откуда тебя чёрный ветер принёс, къавуда?! Э-э, что ты знаешь-понимаешь об армии, новогодняя ёлка? Да у тебя ума в голове, как волос на скорлупе яйца. Тьфу! Танкаев с раздражением снова нажал кнопку дистанционного пульта. На экране возник похожий на гоголевского барина – телеведущий, журналист Евгений Киселёв, икрой не корми, любил заполнить собой голубой экран. Нарочито сверкал в кадре золотой оправой модных очков, сдвинутых на кончик носа... и золотым «паркером», которым делал в кожаном блокноте какие-то многозначительные воздушные пометки. Сто процентный либерал, русофоб, брезгливо дистанцирующийся от всего советского, будто он урождённый английский лорд, вместе с другими такими же кольчатыми плодово-ягодными червяками, как он сам, упорно год за годом точил и проточил свой извилистый ход сквозь дряблую сердцевину Красной Державы; изъел изнутри сладкую мякоть, помог злым силам обескровить Москву и вылез на общероссийском телевидении Останкино, поливая землю зловонной слизью. Так ли случайно? Ведь, знатокам-краеоведам известно: Останкино – одно из самых знаменитых и мистических мест на карте Москвы. На этих землях с незапамятных времён селились маги, ведьмы и колдуны-чернокнижники. Известнейшим людям России тут открывалась страшная тайна их смерти. Здесь спрятан магический перстень Мироздания, дающий власть над пространством и временем. В бесконечных коридорах Останкинского центра блуждает загадочный призрак жуткой старухи, предсказывающий беды. На сознание человека здесь и в наши дни воздействуют черные силы Зла.

...и вот, из червяка, Киселёв превратился в достопочтенного, застёгнутого на все пуговицы жука-либерала. Прочно засел на НТВ – в тени райских кущ клювастого стервятника-олигарха Гусинского. Неся в себе гнилое зерно разрушения, Киселёв исправно вещал косноязычные, антироссийские тексты, составленные заокеанскими партнёрами в масонских дворцах. День за днём, вместе с другими членистоногими жуками, крабами, жужелицами и стрекозами со стальными желваками, он упорно выедал теперь мозг миллионам своих сограждан. Превозносил «золотые» ценности Запада, новый порядок вещей и новый уклад в поставленной на колени России.

Прежде чем вещать очередные гадости о советской эпохе, поливать дерьмом трудовые подвиги пятилеток, лить гнусь о «чудаках»-героях Отечественной, – что по «пьянке», из-за «измены жены, оказавшейся слабой на передок», либо ещё по какому житейскому недоразумению – закрывали собой пулемётные гнёзда немецких дотов или бросались с гранатами под танки... Этот румяный «барин» долго топорщил идеально подстриженную белёсую щётку усов, натужено, как при запоре надувал припудренные щёки, тяжело рожал нужные слова, часто, вообще терял начатую мысль и снова держал напыщенную паузу, точно боролся с подступившими газами или сытой отрыжкой... При этом не забывал поблескивать золотым «паркером», VIP-оправой от «Гуччи», демонстрировал новый пиджак от «Версаче», галстук от «Армани».

Танкаев так и не дождавшись от этого надутого, самовлюблённого индюка ни одного толкового слова, мигнул послушным экраном, мысленно подводя черту: «сытые свиньи страшней, чем голодные волки».

Очередной частный, коммерческий канал заламывая руки, закатывая глаза, – Леонид Млечин вдохновенно скулил с бесприютным подвывом: о багровых реках и фарфоровых берегах из человеческих черепов, о кровавом терроре звероподобных большевиков, что красным, испепеляющим смерчем прошёлся по всей царской империи... О жутких репрессиях 37-го года! По его гневному обличительному соло: свирепое НКВД днём и ночью, не жалея патронов, стреляло в подвалах безвинных людей... А великий и ужасный, усатый людоед Сталин, в параноидальном экстазе ночи напролёт, только и делал, что подписывал в Кремле всё новые и новые расстрельные списки, как жертвенных баранов, загонял в лагерь ГУЛАГ-а миллионы советских граждан... И заживо закапывал в котлованах особо опасных его тоталитарному режиму нестигаемых борцов за свободу и демократию.

Выключив звук, Магомед Танкаевич отстранённо смотрел на Млечина – похожего на острозубого грызуна. Ему снова стало худо. Он страшно устал. Был опустошён. Его жизненных сил не хватало на борьбу с пустотой. Его словно кинули в огромную оцинкованную лохань, где шло гниение, совершался распад, действовал процесс разложения. И он чувствовал, что медленно растворяется в этих кислотах и ядах.

Понимал, что предательски, жестоко обманут, как и весь советский народ. И в этом обмане участвовал не только скрытый противник, не только его коварные, хитроумные кураторы из Вашингтона, Брюсселя и Лондона. Но и он сам, позволивший себя обмануть, усыпить свои тончённые звериные чувства, всю жизнь выводившие его из окружений, засад и ловушек.

В обмане участвовали далёкие ледяные звёзды, разукрасившие ложными узорами и тайными массонскими знаками. Участвовала сама жизнь, своими поворотами и изгибами, закинувшая его в эту лохань распада, но это минное поле. Вай-ме! За стенами квартиры на Мосфильмовской, вот за этими шторами-стёклами, среди непрерывных, неслышимых уху взрывов, гибла его любимая страна, его любимая армия. Как тогда в Сталинграде, гибли его лучшие и преданные бойцы, бесстрашно умиравшие во время свирепых атак... Гибли соратники-коммунисты, комсомольцы, страстные красные командиры, которые, смилив гордыню, соблюдая субординацию, вручили ему судьбу своих лучших подразделений. И этот ужас, невозможность остановить беду, превращались в острую, безумную и теперь уже бессмысленную ненависть к обманувшим страну – либерастам и демократам, а по-сути – врагам и предателям. И одним из них был этот, завывающий повивальной бабкой, похожий на злобную-трусливую крысу, демагог-политолог Млечин, мелькавший теперь на экране, сверливший его слух беззвучной лживой и скорбной вытью.

– Собака вонючая! Убью! – Танкаев свирепо схватил пульт, как пистолет, нажал спусковой крючок. Экран телевизора испуганно вздрогнул, беспорядочно замерцал, зашипел, как гадюка под вилами, но извернувшись, вновь вспыхнул своим мстительным аспидным оком.

1-й канал в упор посмотрел на него дьявольски хитрыми, лукавыми глазами главного серого кардинала свободных демократических СМИ страны – Владимира Познера. Искусственный интриган, фальсификатор и провокатор с тремя загранпаспортами (Израиля, США и Франции, не считая Российского!), как с тремя ножами за пазухой, не мигая смотрел ему в глаза, словно говорил:

– Ну, генерал-полковник... чья взяла? Чья Победа? Чей флаг над стенами Кремля? – он обаятельно усмехнулся и почти дружески погрозил ему пальцем. – Каждый сверчок должен знать свой шесток. Ты патриот проигранного дела, не так ли? Ну, ну... перестань бугрить желваки, джигит. Ты уже безнадежно стар. Эти игры не для тебя. Твоё дело доживать и люлюшкать на коленях внучат. Смотри семейные альбомы, пожелтевшие фотографии и оставайся сердцем на той Второй мировой войне... на тех кровавых полях, – там вам... всем место. Живи воспоминаниями о горячем снеге Сталинграда... Радуйся, что остался жив. А то переезжай всем кагалом на свою малую родину – в Дагестан. Море, горы, орлы, чистый воздух, шашлыки, фрукты – что ещё надо? Звени там своими наградами, перебирай ордена и доживай свой век. Смирись и

заткнись. Не мешай молодым, которые сделали иной, я убеждён, правильный выбор. Как говорит поэт: «Пришли другие времена, пришли другие имена...»⁷ А если нет, – Познер, словно всесильный Ваал, посмотрел на него, как на вошь, участливо кивнул и со зловещей улыбкой шепеляво добавил. – Закатаем в асфальт вместе с орденами, без всяких речей и оружейных салютов. И все дела. «Вас не надо жалеть, ведь, и вы... никого не жалели». «A la guerre come a la guerre»⁸. У нас, ведь, тоже есть свой счёт, своя Стена Плача, свои обелиски. Мы тоже храним память, у нас тоже: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Вкрадчивый с американской вирильной улыбкой в тридцать два зуба, журналист Владимир Познер появился на центральном телевидении в конце «застойных» брежневских 70-х. Уже не молодой, с основательной плешью, потёртый жизнью в ущельях нью-йоркских небоскрёбов из стекла и бетона, и парижских полит тусовках на Елисейских полях... Но ещё не старый, чтобы мелькать на ТВ, быть интересным бальзаковского возраста женщинам и советским трудягам, которым не суждено было быть за границей. Предельно вежливый, нарочито улыбочивый и внимательный, он радовал простых, наивных советских людей своей западной, раскрепощённой открытостью; подкупал тем, что живя на сытом, процветающем Западе, вопреки всему, вернулся в Советский Союз, не на словах, а на деле, разделяя его социалистические убеждения и идеалы, борьбу за мир во всём мире и интернациональную дружбу народов. Это уж много позже его изрытое страстями и ненавистью лицо станет появляться во всех высоких кабинетах, полит салонах и тайных масонских собраниях. Осторожный, как агент спецслужб, велеречивый, как заморский посол, неуловимый, точно свет лунного камня, отдыхающий на могильных плитах своих предшественников, таких же тайных советников, как он сам, рисующий иудейским веретеном закодированный узор каббалы, связывающий на ночные радения духов Тьмы. Все тайные службы и партии, все «народные фронты» и «межрегиональные группы», все упыри-вурдалаки, все кольчатые, ленточные черви и прочие кровососущие паразиты, вся бледная нежить, болотная нечисть, с синими губами вампиры, выпившие соки страны, казалось размножились из его жидомасонского жилета, пропитанного мёртвой слюной.

Подобные существа, подземные гады описаны в атласах и монографиях палеонтологии. Их находят в виде окаменелых скелетов на дне торфяных болот, в угольных шахтах, зыбучих песках. Они оставляют на камнях отпечаток, напоминающий след не то проскользнувшей змеи, не то изворотливой саламандры. Вместо души, был тем, кто в Беловежье мысленно держал пьяную руку Ельцина, направляя удар ножа. Его политика, как политика предателей Родины: Гайдара, Чубайса, Бурбулиса, Полторанина, Шахрая, Яковлева, Козырева и других, – бесконечная, как ядовитая паутина, интрига, работающая на окончательный развал страны, в пользу враждебных американских элит. На превращение России в бензоколонку Запада, опущенную, оскопленную колонию, которую можно безнаказанно нагибать, грабить, доить, в которой можно устроить мировую свалку радиоактивных отходов и прочего смертоносного дерьма.

Танкаев поднял глаза на экран, на котором крупным планом, через стоп кадр застыло лицо ведущего. Выбритый нагло, как бильярдный шар, Познер производил впечатление бессмертия, как ящер с реликтовой ненавистью ко всему теплокровному. Возросший среди холодных хвощей и потных папоротников он не прерывно рассуждает о каких-то странных идеях, издавая глазами костяные щёлкающие звуки. В придуманных им телемостах, полит беседах, встречах «без гастульстиков», круглых столах и прочих ток-шоу сквозь сиюминутный клёкот и гам всегда слышится одинокий печальный крик цэрэушной плешивой выпы, забытой среди древних болот и неоновых джунглей Манхэттена.

Глядя в глаза матёрого антисоветчика, победившего врага, в зрачках которого застыл рыжий бес плохо скрытой ненависти к стране, в которой ему суждено на Центральном ТВ до

⁷ Е. Евтушенко.

⁸ На войне, как на войне (лат.)

гробовой доски тянуть ляжку серого кардинала... На память генерала пришёл август 1991 года. Манежная площадь, запруженная народом – яблоку некуда упасть. И вдохновенное злорадное интервью этого шепелявого репликанта.

«Три дня назад я всё таки удержался в мысли: нельзя уезжать из своей страны, хотя признаться...настроение было да, да... чемоданное...Но нет! За страну надо драться с её кровавыми палачами. Так вот – эти три дня для меня самые счастливые дни в моей жизни! Империя Зла рухнула! Я говорю от сердца, без всякого преувеличения. Право, я никогда не думал, что стану свидетелем вот такого...ГРАНДИОЗА!!

Понимаете, то, что произошло, во-первых вернуло гордость людям. Они поняли, что они – могут! Это, вообще, уникальное событие...Я, конечно, на это не надеялся...19 числа у меня было крайне тяжёлое состояние, как у большинства москвичей...Но когда я увидел выступление ГКЧП: эти бегающие глаза, дрожащие пальцы, нервные растерянные голоса...Я подумал: и всё таки шанс есть! Главный шанс – они не сумели взять Ельцина! Они опоздали на 20 минут на его удачу...И второе это, конечно, армия! Она таки оказалась народной! За демократию и свободу! Вы поняли мою мысль? Она не дала кагэбэшным палачам захватить ВЛАСТЬ...

Это совершенно поразительная вещь! Браво, федералы! И вот теперь...можно сказать это НЕОБРАТИМО...Теперь можно ожидать настоящего движения вперёд! И Запад, как убеждали нас коммунисты «загнивающий запад», конечно, нам поможет. Это вне всякого сомнения! Люди будут по другому работать...да-да...Появится вера! Вы понимаете меня? И я думаю, что вот теперь даже кое-кто будет возвращаться в Росси.– Позднер опять улыбнулся в тридцать два зуба. – Надеюсь, вы поняли, кого я имею ввиду...»

«Такие же подлые шакалы, как ты...Советники и кураторы ЦРУ, жидоанглосаксонские центры влияния, диссиденты всех мастей – пятая колонна внутри страны...А зачем же тогда иметь двойное-тройное гражданство?? Вай-ме! Сколько же в России предателей, заговорщиков, поджигателей, врагов народа, изменников Родины!! Из какой таинственной слизи, поганой слюны рождается подобная нечисть и гниль, такие румяные чубатые упыри на козлиных ногах, жирные свиньи с волчьими зубами на вороньих лапах, ступающих по мёртвой земле среди испепелённых-вымерших городов, разрушенных промышленных гигантов, необруанных мертвецов, пожарниц и виселиц?

Откуда взялись эти гнойные волдыри, обметавшие с головы до ног белое тело России – гайдары, чубайсы, шохины, собчаки, шахраи, станкевичи – имя им легион! Такие нелюди-кровососы, фатальные враги Отечества и народа, поддержавшие тупого деспотичного самодура Ельцина, силком и обманом втолкнувшие в Кремль «Бориску на царство»?! Разгром и развал, которое Е.Б.Н. принёс с собой, истребляющая, как землетрясение сила, слепая ярость, брызгающая ненависть – коснулись и его самого. Превратили в известняк с отпечатками скелетов разрушенных городов, потопленных кораблей, пришедших в упадок портов, заводов, сталелитейных мартепов, угольных шахт, горнодобывающей и военной промышленности по всей территории огромной страны. Видно, не даром, вечно хмурое, с похмелья его лицо напоминало красный, стиснутый до синевы пудовый кулак. С этим лицом, налитым дурной кровью глазами, он пьяный прыгал с ночного моста, облетал Статую Свободы в Нью-Йорке, тупо смотрел в её мёртвые каменные глаза своими мёртвыми от выпитого глазами, весело кряхтя мочился на шасси самолёта, одурело ревел мимо нот «Калинку-малинку» и, обрядившись в медвежью шкуру с когтями, скакал под грохот шаманского бубна. Е.Б.Н. залил кремлёвские дворцы и палаты водкой и рвотной жижей. Окружил себя кликушами, садистами, педофилами-извращенцами, мздоимцами и ворами. И, взорвав Ипатьевский дом, разрубив топором государство, потопив Черноморский флот, уничтожив не допиленные Горбачёвым ракеты, оставил России горы битой посуды, пустых бутылок, забытую кем-то ермолку и «Орден Орла», залитый блевнёй и капустным рассолом.

Думая о чудовищном, четко спланированном развале страны, в памяти генерала Танкаева сами собой прозвучали слова Ю.Левитана, от которых в 1941 году, прошёл мороз по коже у всех граждан огромной страны.

«Внимание, говорит Москва! Передаём важное правительственное сообщение. Граждане и гражданки Советского Союза, сегодня в 4 часа утра, без всякого объявления войны, германские войска атаковали границы Советского Союза! Началась Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков!»

...Урон государству, который нанёс невменяемый Ельцин посредством губительных гайдаровских реформ, преступной приватизацией, был сравним, разве что с нашествием гитлеровских орд. Та же нещадная разруха в стране, голод и холод, голь перекатная – безработица и смерть миллионов людей. Только после Победы над фашизмом у советского народа была реальная надежда-мечта на лучшую долю, которая под мудрым-ответственным руководством Сталина и воплотилась в жизнь. Но теперь, после рокового 91-го года, – рассчитывать на что-то хорошее, светлое не приходилось. Кремлёвский зоопарк с румяными гайдарятами-упырятами, под защитой каменного топора пещерного троглодита Е.Б.Н.-а и зоркой опекой госдепа дяди Сэма, цинично приказали всем долго жить, накрыв надежды простых россиян на лучшую сытую жизнь – одним огромным дырявым помойным ведром. Цель молодых реформаторов-предателей вскоре стала очевидной – личное мульти обогащение, плюс тотальное разрушение страны и, в угоду США, превращения её, – в абсолютно зависимый сырьевой придаток Запада.

«Счастье и сытость...Нет! Это разные вещи. Можно быть сытым, но при этом глубоко несчастным. Ох, уж эти грёбаные дерьмократы-либералисты...с их пресловутой колбасой в холодильнике. Скотская сытость для избранных... – Танкаев с отвращением фыркнул и оттолкнул на середину стола пухлый номер «Вечерней Москвы», словно кусок протухшего мяса. Заголовок возвещал: «Разгул массовых убийств». Имелась фотография со всеми кровавыми деталями, запечатлевшая доставку жертв в морг. Другие заголовки пытались перекричать друг друга: «Неужели Москва превратилась в бандитский Чикаго 30-х годов?!» «А у вас, есть надёжная «крыша»?» «Атас! Под Питером приземлилось НЛО??» «Дамы, вечная юность! – Тайна спермы синих китов! «Как выйти замуж за миллионера», «Если ты поп-звезда!..»

Он снова презрительно фыркнул: «Испортилась газета. Н-да, какой поп, такой и приход».

«Бог мой...Когда же мы растеряли все свои идеалы и ориентиры? Когда успели прозевать-проворонить свою страну?!.. Почему мы стали такими?! Как допустили пригреть змеиное гнездо на груди? Открыть ворота заклятым врагам!..»

Многие годы проведя в Махачкале, работая народным депутатом Верховных Советов СССР Дагестанской АССР, являясь в Москву в командировки и отпуск...Он многое видел мельком, отрывочно, через окно персональной «чйки». Военный талант, высокие организаторские способности и незабываемые заслуги перед Отечеством были востребованы Министерством обороны и после его увольнения в запас. У него был длительный опыт работы в военном аналитическом центре. В качестве эксперта, консультанта и наблюдателя, он побывал практически во всех горячих точках, начиная с Афганистана, Нагорного Карабахза, кончая Чечнёй. Афган: операция «Муса-Кале», «Магистраль», вывод войск в направлении «Кандагар-Тарагунди. Затем: Ставка южного направления, Сумгаит, Степанакерт. Участвовал в разработке ликвидации армянского подполья в Карабахе. Затем прилетал в составе закрытой военной комиссии в 14-ю армию в Приднестровье, ознакомился с обстановкой на месте, советовал, как противодействовать молдаванам в районе Дубоссар и Бендер. Был в спец командировке в Абхазии в период контрнаступления на Сухуми. Позже на Северном Кавказе, в соседней с Дагестаном, Чечне.

...Но теперь к нему обращались с подобными предложениями крайне редко. Времени стало больше, и он много ходил по Москве. Был на любимых площадях, прохаживался по

желанным бульварам; радовался достойным образчикам архитектуры, памятникам из благородной бронзы, фонарям, строгим и стройным или напротив ажурным – текучим решёткам парков, при этом замечал зорким взглядом очевидные признаки неведомой занесённой в столицу инфекции. Крохотные вирусы и бактерии, неразличимые глазом, поселились всюду на улицах, площадях. И она, столица, не ведая того, что фатально больна, испытала первый несильный жар, головокружение, слабую тошноту, покрывалась нездоровым румянцем!

Наблюдал: как сходились горстками вольнодумцы, шушукались, спорили о диссидентах, о кремлёвских властителях, пересказывали едкие газетные статьи. Испуганно озирались, подозревая в каждом соглядата и агента. Эти шаткие группы, стайки вольнодумства множились, слипались. Появлялись мегафоны и трёхцветные флаги. Зарокотали мембранные голоса!

Подобно бреду, в сквере закружились митинги. Неистовые люди истошно орала, грозили кулаками горбачёвскому Кремлю, топтали газоны.

Их разгоняла милиция, грубо и ненавидяще. Всё быстро исчезало. Оставались мятые газоны, затоптанные листовки, порванные транспаранты. Но через день, как приступ горячки, всё повторилось – революционные агитаторы, грассирующие, с пеной у рта, остервенелая милиция и тревожные мигалки спецмашин.

Дальше больше! Начались демонстрации «демократических масс». Улицу Горького перегородили войска – зелёные каски, поблёскивающие, как рыба чешуя, щиты. Клокотала толпа, словно её поили кислотой. На Пушкинской площади, мимо гранёных фонарей резво подъезжал микроавтобус, и мембранный голос знаменитого попа расстриги, отделённый от его чёрной сутаны, католической бородки, кручёных волосатых рожек и козлиных копытец, витал над площадью, как тлетворный дух преисподней. И казалось, что с площади сдирают покровы, оскверняют, насилуют.

Появились среди этих толп недовольных кликуш и свои кумиры, карликовые «кромвели», все с признаками физического уродства – типа юродивого заики правозащитника С. Ковалёва – врага РУССКОГО СОЛДАТА, и своя «жанна д'арк» – истошно ненавидящая коммунист, серп и молот – Валерия Новодворская. Толстую, с крашенными волосами, очкастую «пламенную революционерку», в бесстыдно задранной юбке, то и дело вносили вперёд ногами в милицейский автобус. Но через пару дней, она, как пузатая, вражеская мина, вновь всплыла среди орущих волн митингующих, и сама истошно орала в мегафон, бесновато хрипела, матюгалась, пёрла грудью вперёд на ментов, завораживая последних, огромным размером своего «бронелифчика».

...Так всё начиналось, пуская страшные метастазы. А между тем, в Москве под злопахующий гул «интеллигентских стачек», разворачивались в марше аккуратные, компактные, быстрые стройки. Возводились металлические конструкции, споро сгружались хрустальные стёкла, мелькали нарядные, как конфетти, пластмассовые фирменные каски строителей.

И вдруг среди старомодных зданий, благородных обветшалых фасадов, гранитных парапетов и чугунных решёток, словно вставные челюсти, стали возникать стеклянные призмы и кубы, многоярусные павильоны выставки-продажи иностранных автомобилей и рестораны «Макдональдс». Похожие не то на стеклянные аквариумы, не то на призмы, преломляющие свет на радужные пучки, они магически: притягивали к себе зевак. И настал день, когда они растворили свои прозрачные недра зачарованным москвичам, и те ослеплённые небывалой красотой прилавков, музыкой, палитрой красок новеньких иномарок, хромом и никелем бамперов-радиаторов, прозрачным хрусталём мигающих фар... Пряным ароматом заморских яств, потянулись бесконечными вереницами, повторяя изгибы тротуаров, опоясывая площади, скверы, сливаясь в длинные, медлительные очереди, стремившиеся посетить новые «мавзолеи», поклониться новым божествам. Так индейцы Нового Света высыпали толпами подивиться на приставшие к диким оскаленным берегам неведомые парусные корабли. Так приобщённые к новой религии спешат поклониться грозному и прекрасному идолу. «Причаститься»

гамбургерами, чизбургерами, бигмаками, различными дошираками и прочей заморской искусственной отравой, чтобы вкусив с красителями и маническими вкусовыми добавками откровений, унести их в растревоженных, набитых соевым дерьмом желудках.

Миллионы околдованных москвичей-академики, артисты, герои страны, художники, инженеры, врачи – стекались на площади, чтобы пройти сквозь тот или другой стеклянный саркофаг и там принять сакральное посвящение. Приобщиться к неземным тайнам, манящей к себе метафизике момента, озариться мистическим сиянием. Облучённые, сменив генетический код, отказавшись от прежнего мировоззрения ориентиров, в поисках нового идеала, они расходились с потусторонним выражением глаз. И лишь позднее, когда поредели очереди, и число мутантов достигло необходимой массы, химия распада вплотную коснулась Москвы.

...Ну, а потом вконец замороченный-оболваненный народ страны стадно и совершенно бессмысленно ахнулся в пучину лжи, беззакония, коррупции, дикого воровства и преступности... Но заставить народ одуматься, выйти из этой гиблой пучины кровавого дерьма было уже невозможно!.. В глазах миллионов уже вспыхнул жёлтый бес наживы, бес золотой лихорадки, предательства ближних, индивидуального обогащения, любой ценой.

– Прямо как в песне, – Танкаев зло тряхнул пальцами по колену:

Вновь, вновь золото манит нас!

Вновь, вновь золото, как всегда обманет нас...

– М-да, вот такой кубик рубика, мать его... получается.

Он негодующе растёр грудь ладонью. «Что за хрень?» Ему привиделось, что застывшая на экране маска рептилоида Познера, дьявольски подмигнула и прошипела:

– Только не делай глупостей, генерал! Я давно наблюдаю за тобой из укрытия... и не только я.

– Убирайся в своё укывище, ползучая шепелявая погань. Отрабатываешь-ш мозговую кость, пёс? Вместе со своими хозяевами из-за большой лужи, – лжешь, как дышишь... Иай, холуй! Да засохнет нечестивый твой род!

Танкаев снова нажал на кнопку пульта, будто выстрелил. Он крепко сжимал зубы, и в эту секунду, как в бою, полагался на мускульной рефлекс пальца, нажимающего на спуск затвора.

Познер, продолжая мстительно ухмыляться, словно растворился во тьме. Оставил после себя фантасмографический пейзаж, будто присыпанный седым пеплом и оловянной золой. Он напоминал огромное поле древней битвы, на коем павшие воины были оставлены гнить там, где они пали, и стали жертвами стервятников и псов. Поле, которое стало свидетелем битвы Добра и Зла, Света и Тьмы, где Зло на сей раз победило. Багровое зарево распускалось в очугунелой синеве, как страшная рана, как чудовищный сабельный надруб. Где-то рушились балки и стены, прыгали сверху охваченные пламенем люди, падали из дыма и снега обгорелые галки и вороны. Этот жуткий пожар, это страшное мёртвое поле в центре Москвы напоминали конец света. Над главной площадью великой страны, сквозь копоть и пургу пылало рекламное табло «Кока-Колы», и на нём отчётливо проступали цифры 666.

Уф Алла! Он будто очнулся от чьих-то колдовских чар. Смахнул с лица невидимую тенету. Увидел в светящимся сумраке большой опаловый экран телевизора. Серый кардинал магической пирамиды СМИ и Масс-медиа – Познер – канул во Тьму. И лишь зловещая улыбка его, как улыбка Чеширского Кота, повисла в воздухе. Потом и она исчезла вместе с бледным свечением экрана.

– Да поглотит вас всех шайтанов земля! – Танкаев резко поднялся с кресла, обронил, лежавший на подлокотнике, пульт.

– Кажется... мне и впрямь лучше лечь спать, – услышал он собственный голос. Сделал шаг в сторону. В темноте наступил на злосчастный пульт, который, что отвалившийся от скелета череп, треснул под его ногой, словно издал страдальческий стон.

Глава 8

Внезапно Магомеда отвлекло от мыслей повторившееся ощущение тревоги, предчувствие близкой опасности. Он отложил треснувший пульт, не включая свет, подошёл к окну, чуть отодвинул штору. Хлипкий свет фонарей освещал пустынный двор, дремавшие ряды машин. Всё как обычно, ничего особенного... Вот только незнакомый микроавтобус «БМВ», прилипший к бордюру тёмно-вишнёвой почкой, чуть левее его подъезда. Поблёскивая хромированным радиатором, он тихо пыхтел выхлопной трубой, готовый сорваться с места, если будет необходимость. Сквозь тонированное лобовое стекло, как и в том «мерседесе», лиц не было видно, но по-прежнему исходил зоркий пристальный взгляд.

«Может и правда...это всё моя дурацкая подозрительность? – он коротко усмехнулся своей мысли, чувствуя, как капля пота, словно подтаявшая льдинка, скользнула по его рёбрам. – А если это «прослушка»...и они там, в фургоне, слышат каждый мой вдох?...» В белом махровом халате, он поставил кожаный тапок на порожек балкона, продолжал следить за микроавтобусом, словно искал в нём знакомого. Точно невидимая натянутая струна соединяла его с этой машиной. Тончайший луч, будто из лазерного прицела, тянулся от «БМВ» к нему. Тошнота, против воли, судорогой сводила желудок. Танкаев машинально посмотрел себе на грудь, ожидая увидеть малое красное пятнышко. Нет ничего. Он выбил из пачки сигарету, шагнул в сторону, освобождая дорогу мнимому лучу. «С этими догадками умом тронешься. Надо будет через своих спецов проверить эти машины...Пробить хозяев если что...принять меры. Он зафиксировал в памяти номер подозрительного автобуса, как прежде – номер чёрного «мерседеса». Смятение и тревога продолжались пару минут, пока он курил по-фронтально в кулак, стоя у окна. Затем бросил плед, подушку на диван, лёг и снова забылся, предаваясь своим вопросам.

...он лежал без мыслей, без чувств, на спине, закатив под медными веками остановившиеся глаза, закинув руки за голову.

Сначала под веками сохранялась безжизненная млечная пустота, и его, будто не было на земле. Потом её материнские прикосновения начали вызывать в нём жемчужные мерцания, разноцветными точками наполнявшие пустые глазницы. И это была жизнь. Он, как это с ним происходило не раз, шаг за шагом начинал появляться-возвращаться, но не на землю, а в иное, создаваемое его памятью пространство. В этом туманном пространстве возникала, скрывалась, и вновь сверкала сквозь ресничную листву прозрачная бегущая вода с плескающей в ней на солнце радужной форелью...

Виноградные лозы, взбегавшие вверх по шестам, создавшие резное плетение, сквозь которое осколком лазурита синело дагестанское небо. Под виноградным навесом стоял длинный, сработанный отцом, чинаровый стол с бирюзовым сугробом, из которого виднелось гончарно-красное горлышко полузасыпанного кувшина. Деревянные лавки были в снегу, и там, где собиралась на трапезы большая дружная семья, лилось вино, надламывался мамин хинкал, капал с сочным куском баранины расплавленный сладкий жир, теперь было пусто, лежало холодное солнце цвета льда и не было слышно родных голосов...Из сокровенных глубин памяти возникло новое мгновенное видение. Гибкие, быстрые девушки в долгополых аварских платьях танцуют на изумрудной траве, волнуются их парчовые платки и чёрные длинные косы. Слепительная, солнечная, в алмазных снегах вершина, и он, мальчик в каракулевой шапочке, стоит у родной сакли среди горячего света, влажного сверкания, смотрит на каменную твердыню, над которой ветер сносит в бездну, вернувшуюся к своим птенцам орлицу.

Щемящие сердце воспоминания зажигали в нём эти видения, и он сладко дремал, бесконечно благодарный этим волшебным минутам, в полной их власти, утратив волю и имя, как вдруг...Будто зло брошенный камень в стекло!

Перед мысленным взором чёрным вихрем прокатилось пламя и, как взрыв, разлетелось ключьями жидкого огня. Каштановые волосы телеведущей Сорокиной рассыпались поверх алой, как кровь, повязки, а её миндалевидные глаза на скованном напряжением лице – как рюмки с коньяком, были полны нервной возбуждённой радости. Она буквально затекала, сочилась ядом, как девка под мужиком, в адрес военных России. Рука с протянутым микрофоном указывала на экран, на котором пуржили кадры фронтовой хроники 1995 года – первой чеченской кампании под броским названием «Жестокие звёздные войны».

...изглоданные снарядами многоэтажки Грозного, похожие на обгорелые до черноты кукурузные початки, лучше всяких слов убеждали собравшихся в студии людей, в правоте названия фильма.

...начавшийся на рассвете, на отдельных участках, бой разгорался, захватывал своими вспышками, рокотами, косматыми дымами всё новые районы. Из отдельных лоскутов, огненных мазков и линий сливался в общую картину штурма, которая была явлена глазам миллионов телезрителей – клубами копоти-чада, тусклыми отдалёнными мерцаниями, мутными молниями реактивных снарядов. Дополнялась звуками разрывов на центральных площадях и окраинах, рокотали артиллерии, наносившей огневой удар перед атакой штурмовых групп, чавканьем танковых пушек, долбящих фасады с засевшими снайперами.

... Злая фурия с микрофоном, чьи глаза сверкали, как праздничные новогодние игрушки, настойчиво гвоздила и заклёвывала каверзными иезуитскими вопросами приглашённого на ток-шоу командира танкового полка боевого полковника Юрия Буданова. Умело пользуясь положением ведущей и тем, что она в юбке, энергичная Сорокина практически не давала ответного слова своему оппоненту в погонах.

Между тем, герой Буданов спас от гибели 150 наших солдат. Накануне Нового года, в чеченском селении Дуба-юрт, начался жестокий бой. 150 бойцов из разведки ГРУ 84-го отдельного разведбатальона попали в засаду головорезов Хаттаба. Рядом с аулом Дуба-юрт стоял танковый полк Буданова. Селение считалось мирным. По договорённости в верхах, применять там танки и артиллерию было запрещено. Однако, не смотря на «мирный№» статус аула, бойцы спецназа, оказались в хорошо спланированной боевиками западне. Причём бандиты Хаттаба откуда-то наперёд знали обо всех координатах и перемещениях нашей разведки! Но откуда, мать их дери?? И далеко не в первый раз!! Этой секретной информацией владели исключительно высшие чины в Штабе! На призывы о помощи, командование категорично ответило разведчикам: «Подмоги не будет! Выбирайтесь своими силами».

Оказавшиеся в Западне лихорадочно вызывали авиацию поддержать их огнём с воздуха. Напрасный труд. Чей-то внегласный предательский приказ сверху, поставил на разведчиках жирный крест. Увы, ни одного самолёта, ни одной «вертушки» не было послано в помощь... Отряд чувствовал близкий конец, вызывал огонь на себя. Но даже и в этом – ему было вероломно отказано. Свыше тысячи до зубов вооружённых бандитов блокировали 150 человек. Лютая, жестокая смерть уже расправила свои чёрные крылья и кружила над ними. То место, где находился отряд, подвергалось массированному огню вражеских миномётов. Плотность его была такой, что попавшие в ловушку спецназовцы, несколько часов не могли поднять головы. И это при том, что радиосвязь разведки строго хранила обет молчания. Петля Хаттаба всё туже затягивалась на горле отряда. За следующую ночь, 31 декабря, к Дуба-юрту стянулись дополнительные силы боевиков.

Полковник Буданов и его сослуживцы тоже слышали по радиации яростные-отчаянные призывы о помощи. Слышали и как разведчикам отказывали. Опытный офицер Буданов прекрасно понимал, что без танков спасти спецназовцев нельзя. И тогда, на свой страх и риск, командир 160-го полка, укомплектовал танки исключительно офицерскими экипажами и вместе с ними пошёл прорывать кольцо окружения. Внезапное появление русских машин сорвало планы Хаттаба. Боевики хорошо знали и были уверены, что танкисты прийти на помощь не могут. Это

же их операция! Они были уверены, что без приказа сверху: ни один офицер не возьмёт на себя ответственность. Кроме того, аул считался мирным и по договорённости в верхах, туда не могла заходить тяжёлая бронетехника.

Но таки пришли на выручку и открыли сокрушительный огонь по позициям боевиков. Два передовых танка буквально разнесли в клочья хорошо сложенные порядки противника и напрочь расстроили их планы. Это было чудо для спецназа, вторым Рождением! И ужасом для продажных генералов из Штаба группировки. Не смотря на будущие кары, Буданов сам, единолично принял волевое решение вступить в бой. Решительно говорил потом: «Кровь бунтовала!. Не мог я смотреть, как погибают под шквальным огнём наши ребята!» Офицерские экипажи от души дали прикурить бандитам, а по сути, помня о долге, – пришли на выручку своим. Грубо говоря, они нарушили приказ Верховного командования: вводить танки в договорное село, мирный аул. Вот и всё... Но благодаря мужеству Юрия Буданова – 150 молодых из разведки ГРУ – были спасены и остались живы!

– Честь и хвала полковнику! Герою Слава! – спецназ по гроб жизни был благодарен своему спасителю.

За то, что Буданов со своими танками спас жизни 150 бойцов, прилетевший генерал из Штаба группировки, вклеил ему «неполное служебное соответствие» за самоуправство, грозил разжаловать и лишит полномочий! После того, как с генералом захотели повидаться «восставшие из ада» спецназовцы, тот прыгнул резвым козлом в вертолёт и мигом улетел прочь... Потому как знал: в отношении разведки под Дуба-юртом, было совершено, очередное подлое предательство, со стороны Верховного командования. Молва о полковнике Буданове, который вопреки приказа спас от верной гибели 150 бойцов спецназа, мигом облетела войска. Его слава росла день ото дня... Именно с той поры, Буданова стали снимать профессиональные камеры журналистов и приглашать на Центральное телевидение. Он стал любим и популярен не только у своих подчинённых, не только в войсках, но и у всей страны! Однако, медаль всегда о двух сторонах. И вторая сторона, обратная – в лице центральных каналов, за которыми маячили зловещие фигуры таких чёрных демонов, как Б. Березовский, В. Гусинский и прочих привилегированных воров-олигархов... Эта громкая слава русского офицера, его преданность Родине, долгу, его скромность и неприхотливость, а главное неподкупность, пришлась: ой как не по нутру! И они спустили на героя своих натасканных-прикормленных сук обоёго пола. Начали свирепую травлю мужественного и несгибаемого защитника Отечества. Потоки грязи и омерзительной лжи, гнусной клеветы и ядовитой напраслины потекли на него из всех дырок-щелей-рупоров СМИ и Масс-медиа.

... Вот и теперь Светлана Сорокина, с праведным гневом в голосе, продолжала без устали клеветать и жалить предательскими-циничными обвинениями боевого полковника. Выставляла его живодёром-насилыником-палачом благородных, вольнолюбивых повстанцев, взявших в руки оружие, якобы для того, чтобы защитить поправную свободу и священную землю своих предков. И снова её распахнутые глаза сверкали, как коньяк в божьем стекле... Так же насмешливо, обманчиво и бесстыже.

– Собаки! Да отсохнут ваши поганые языки... Да сгниёт твоя грудь, ведьма... – в его тихом ржавом голосе дрожала горькая роса. – Что творят с-сволочи!..

Он перевернулся на другой бок.

« – рассуждал он. – Два наших народа великой страны заблудились впотьмах смуты. Натыкаются один на другой, больно ранят, льют кровь на радость Западу. Убивают друг друга до последнего чеченца и русского. Да-дай-и... Народы потеряли разум... Потеряли поводырей света, забыли заветы отцов и дедов... Выбрали себе в проводники слуг Тьмы.

Шайтан ведёт по дорогам Чечни и тех и других. Открылся кратер Тьмы. Извергается магма зла, заливают землю. Покрывает своей горячей лавой Чечню и Россию. Если ночью выйти на окраину, то увидишь бесщётную цепь пожаров, уходящих через всю Чечню прямо,

как выстрел, в Россию. Из Грозного чётко в Москву. И как Грозный сейчас корчится в огне... проваливается в преисподнюю, так же будет гореть Москва со своими кремлёвскими башнями и Красной площадью, провалится в огнедышащую бездну, если не закупорить этот кровавый кратер Зла. И пусть это Зло, которое пустило корни в Кремле, ударит мне прямо в сердце, но я должен остановить его, накрыть своей грудью. Пока русские и чеченцы воюют, я воюю с духами Зла... Которые через предательство, вероломство, кровь и обман захватили власть, и продолжают губить и грабить страну, преступно распродавать американцам военно-технические секреты и планомерно уничтожать нашу армию.

...В какой-то момент ему показалось, сон победил. Увидел в светящемся сумраке Веру, совсем молодую, какой она была, когда их свела судьба. Она стояла босиком в белой ночной рубашке и тихо молилась. Иконы не было видно, а только её белый покров, босые стопы. Она твёрдо держалась своей православной веры. Он знал это и никогда не мешал, уважая её духовный выбор.

«Верушка!» – он позвал её через паузу, но она не услышала, ровно голос его трепал и уносил в сторону ветер.

Ему было хорошо. Он всё сильнее погружался в желанное забытьё. И перед тем, как уснуть, ему привиделись мирные дымы Урады, которые голубыми плазменными лентами тянулись к высокому небу. Увидел и одинокую белую лошадь, идущую по каменистой кромке быстрой речки, что звенела-извивалась между скалами изумрудной Гидатлинской долины. Заснул наконец и тотчас проснулся от жгучей боли. Неизлечимая болезнь, как подкожная змея, давно свившая гнездо под его рёбрами, снова напомнила о себе, сдавила свои тугие чёрные кольца, ужалила под сердце, сбила дыхание, в горле заклокотал ком боли. Сцепив зубы, сжав в костяные комья кулаков, он перетерпел острый приступ... Его горячие плечи чувствовали влажный тяжёлый воздух, стекавший со стен. Насилу отдышался. Но о сне больше уж не мечтал. Притихшая боль притаилась, где-то под рёбрами, но не ушла, свернулась клубком, выжидала момент для нового броска.

Этот приступ неуправляемой боли, вновь дал понять Магомеду Танкаевичу, как всё хрупко и зыбко в этом непредсказуемом мире. Сегодня ты есть, завтра нет. Он вновь явственно ощутил себя одной из таких частичек чего-то огромного, метафизического, непостижимо сложного, таинственного и одновременно с этим – любимого до слёз, больше жизни, притягательного, что называется одним ёмким, священным словом для россиян – Родина-мать! Чувствовал себя той частичкой, коя либо уцелеет и составит, как крошка мозаики, новую картину жизни-борьбы, либо погибнет, как погибли миллионы, на той Великой и Ужасной войне...

В своих тревожных мыслях он уносился к тем драгоценным дням, которые жена его, милая любимая Вера, называла – «днём творения». Тогда в любви и согласии была сотворена их общая жизнь, их дорогие доченьки, никому, кроме них, неведомое таинство, на всю жизнь сделавшее их неразлучными.

Улетал к тем ярким, солнечным послевоенным дням, когда окончил две академии: в 1948 году Военную Академию им. М.В. Фрунзе и в 1960 году Военную Академию Генерального штаба Вооружённых сил СССР. Обе с золотой медалью.

Возвращался в то бодрое, звонкое, советское время, когда был командиром полка, заместителем командира дивизии. Когда с 1961 по 1965 гг. являлся «правой рукой» – заместителем командующего воздушно-десантными войсками страны В.Ф.Маргелова

...Вспоминал как жил в казарме, шлифовал гранит военной науки в учебных классах, на стрельбищах и полигонах. Водил боевую машину «крылатой пехоты» и танк. Поднимаясь на самолёте в синюю орлиную высь без усталости, раз за разом совершал воздушные прыжки с парашютом вместе со своими гвардейцами. Стрелял из пулемётов и гранатомётов. Изучал в тонкостях карту, стратегию-тактику боя, психологию командирской работы. И так: день за днём, год за годом...

А когда оказывался свободным, спешил-летел к любимой жене, своей «небесной ласточке». Если была зима, брали лыжи, бутерброды, китайский термос с горячим чаем и торопились на электричку. Та – глазастая, длинная, похожая на бажовского полоза, неслась гремливой стрелой в морозной метели сквозь солнечные пригороды, красно-кирпичные ангары, курчавые седые дымы, туманные дубравы и рощи, разноцветные посёлки, слядяные от снега и блеска поля.

...выходили в чудесную с белыми-голубыми-серебрянными снегами русскую зиму, будто оказывались в другом мире!

Мчались до одури вдоль белых ослепительных березняков, и солнечных опушек, перечёркнутых синим и рыхлым заячьим следом. Катались с горбатов холмов, скользили вдоль речки под лазоревым льдом.

В предвечерних малиновых сумерках, в морозном туманце, усталые, но счастливые, возвращались в Москву. На затоптанном следами перроне входили в шумный вагон, устраивались на жёлтых с подогревом деревянных скамьях, укладывали на полку лыжи в чехлах; она жимала пушистые, в круглых ледышках варежки, разматывала бежевый шарф и он видел, как нежно розовеет шея у ворота её тёплого свитера, и она, словно голубка в гнезде, устраивается у окна, и зелёная, с заиндевелыми окнами электричка увозила их обратно из этой волшебной зимней сказки в иную судьбу, другую жизнь, но тоже полную интересных и важных событий.

Что так смотришь на меня? Миша, ну! – смущённо улыбаясь, спросила она, зная, что он любуется ею, смотрит, как в её уральских фиалковых глазах мелькают блестящие точки-тире, отражаются снежные поля, сосняки, ельники, заиндевелые колокольни, маленькие, под синим льдом речки.

Как джигит, как воин, как горец, – он не ответил. Знал, что она, сидящая рядом с ним, с маленькой белой варежкой на коленях, с тёплой, нежно дышащей на шее жилкой, с радостными, отражающими солнечный мир глазами, она – его любимая, ненаглядная, суженая.

Тук-тук, тук-тук, – глотая всё новые вёрсты, стучали по рельсам колёса. Продрогшая, звенящая электричка, подхватившая их на полустанке, продолжала нести молодую чету в уготовленное им будущее.

Советское будущее и впрямь, не на словах, а на деле было светлым и замечательным положительно для всех! Тут тебе и личная безопасность, уверенность в завтрашнем дне, право на труд, опять же бесплатное образование, здравоохранение! Если ты труженик, а не вор, пьяница, тунеядец, будьте-нате, получите бесплатное жильё от государства, социальный пакет услуг и многое другое! Всё это было гарантировано каждому гражданину СССР конституцией и Советской властью, крепко стоявшей на страже достояний Красного Октября и дела Великого Ленина.

* * *

Он вспомнил и то время, когда по решению Министерства обороны его утвердили командующим Северной группой войск в Польше и представителем Главнокомандующего Вооружённых сил стран Варшавского договора в Германии. Да, было трудно, даже очень трудно. Ответственность колоссальная, требования высочайшие. Объём содержания, виды выпавших на его долю исполнительских, координационных и управленческих функций был просто громаден. Но генерал Танкаев справился. Ему были ведомы самые различные сферы организации и направления военного строительства, включая мобильные рода войск, территориальные структуры обороны Державы и важнейшие сферы взаимодействия, сотрудничества войск оборонительного союза стран и военной дипломатии. И в каждой из этих сфер он успешно справлялся со своей миссией, был многократно отмечен самыми престижными официальными признаниями отечественного и международного уровня.

Во всём этом сказался огромный опыт, накопленный как непосредственно на полях сражений и учений, так и обобщённый, выкристаллизованный и теоретически освоенный им на

академических кафедрах военного искусства. Это была великая наука школы солдата-воина, школы боевого офицера и генерала, школы командующего войсковыми подразделениями и войсковыми соединениями, школы стратегии и тактики обороны страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.